

КЛАССИКА В ШКОЛЕ

С. А. Есенин

*Стихотворения
и поэмы*

Сергей Александрович Есенин

Стихотворения и поэмы (Классика в школе)

Перед вами книга из серии «Классика в школе», в которой собраны все произведения, изучаемые в начальной и средней школе и старших классах. Не тратьте время на поиски литературных произведений, ведь в этих книгах есть все, что необходимо прочесть по школьной программе: и для чтения в классе, и для внеклассных заданий. Избавьте своего ребенка от длительных поисков и невыполненных уроков.

В книгу включены стихотворения и поэмы С. А. Есенина, изучаемые в средних и старших классах.

Содержание

Стихотворения	0005
***	0005
Береза	0008
Калики	0009
Голубень	0017
Хулиган	0026
Письмо матери	0037
Пушкину	0046
Собаке Качалова	0050
Персидские мотивы	0063
«Маленькие поэмы»	0093
Поэмы	0139
Пугачев	0139
Страна негодяев Драматическая поэма	0199
Анна снегина	0269
Черный человек	0301

**Сергей Александрович
Есенин
Стихотворения и поэмы**

Стихотворения

* * *

*Вот уж вечер. Роса
Блестит на крапиве.
Я стою у дороги,
Прислонившись к иве.*

*От луны свет большой
Прямо на нашу крышу.
Где-то песнь соловья
Вдалеке я слышу.*

*Хорошо и тепло,
Как зимой у печки.
И березы стоят,
Как большие свечи.*

*И вдали за рекой,
Видно, за опушкой,
Сонный сторож стучит
Мертвой колотушкой.*

1910

* * *

Поет зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная
Красавица весна.

1910

*Матушка в Купальницу по лесу хо-
дила,
Босая, с подтыками, по росе бро-
дила.*

*Травы ворожбиные ноги ей коло-
ли,
Плакала родимая в купырях от
боли.*

*Не дознамо печени судорга схва-
тила,
Охнула кормилица, тут и породи-
ла.*

*Родился я с песнями в травном
одеяле.
Зори меня вешние в радугу свива-
ли.*

*Вырос я до зрелости, внук купаль-
ской ночи,
Сутемень колдовная счастье мне
пророчит.*

*Только не по совести счастье на-
готове,*

Выбираю удалью и глаза и брови.

*Как снежинка белая, в просини я
таю,
Да к судьбе-разлучнице след свой
заметаю.*

1912

Береза

*Белая береза
Под моим окном
Принакрылась снегом,
Точно серебром.*

*На пушистых ветках
Снежною каймой
Распустились кисти
Белой бахромой.*

*И стоит береза
В сонной тишине,
И горят снежинки
В золотом огне.*

*А заря, лениво
Обходя кругом,*

Обсыпает ветки
Новым серебром.

1913

Калики

Проходили калики деревнями,
Выпивали под окнами квасу,
У церквей пред затворами древни-
ми
Поклонялись пречистому Спасу.

Пробирались странники по полю,
Пели стих о сладчайшем Иисусе.
Мимо клячи с поклажею топали,
Подпевали горластые гуси.

Ковыляли убогие по стаду,
Говорили страдальные речи:
«Все единому служим мы Господу,
Возлагая вериги на плечи».

Вынимали калики поспешливо
Для коров сбереженные крохи.
И кричали пастушки насмешли-
во:
«Девки, в пляску! Идут скоморо-

хи!»

1910

* * *

*Край любимый! Сердцу снятся
Скирды солнца в водах лонных.
Я хотел бы затеряться
В зеленях твоих стозвонных.*

*По меже, на переметке,
Резеда и риза кашки.
И вызванивают в четки
Ивы – кроткие монашки.*

*Курит облаком болото,
Гарь в небесном коромысле.
С тихой тайной для кого-то
Затаил я в сердце мысли.*

*Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив душу вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

1914

* * *

Шел Господь пытатъ людей в лю-

бови,
Выходил он нищим на кулижку.
Старый дед на пне сухом, в дубро-
ве,
Жамкал деснами зачерствелую
пышку.

Увидал дед нищего дорогой,
На тропинке, с клюшкою желез-
ной,
И подумал: «Вишь, какой убогой,
—
Знать, от голода качается, бо-
лезный».

Подошел Господь, скрывая скорбь
и муку:
Видно, мол, сердца их не разбу-
дишь...
И сказал старик, протягивая ру-
ку:
«На, пожуй... маленько крепче бу-
дешь».

1914

* * *

Гой ты, Русь, моя родная,
Хаты – в ризах образа...

Не видать конца и края —
Только синь сосет глаза.

Как захожий богомолец,
Я смотрю твои поля.
А у низеньких околиц
Звенно чахнут тополя.

Пахнет яблоком и медом
По церквам твой кроткий Спас.
И гудит за корогодом
На лугах веселый пляс.

Побегу по мятой стежке
На приволь зеленых лех,
Мне навстречу, как сережки,
Прозвенит девичий смех.

Если крикнет рать святая:
«Кинь ты Русь, живи в раю!»
Я скажу: «Не надо рая,
Дайте родину мою».

1914

* * *

Сторона ль моя, сторонка,
Горевая полоса.
Только лес, да посолонка,

Да заречная коса...

Чахнет старая церквушка,
В облака закинув крест.
И забольная кукушка
Не летит с печальных мест.

По тебе ль, моей сторонке,
В половодье каждый год
С подожочка и котомки
Богомольный льется пот.

Лица пыльны, загорелы,
Веки выглодала даль,
И впилась в худое тело
Спаса кроткого печаль.

1915

* * *

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой, пустырь.
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

Под соломой-ризюю
Выструги стропил.
Ветер плесень сизую
Солнцем окропил.

В окна бьют без промаха
Вороны крылом,
Как метель, черемуха
Машет рукавом.

Уж не сказ ли в прутнике,
Жисть твоя и быль,
Что под вечер путнику
Нашептал ковыль?

1914

* * *

Топи да болота,
Синий плат небес.
Хвойной позолотой
Взвенивает лес.

Тенькает синица
Меж лесных кудрей,
Темным елям снится
Гомон косарей.

По лугу со скрипом

Тянется обоз —
Суховатой липой
Пахнет от колес.

Слушают ракиты
Посвист ветряной...
Край ты мой забытый,
Край ты мой родной!..

1914

* * *

Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.

С алым соком ягоды на коже,
Нежная, красивая, была
На закат ты розовый похожа
И, как снег, лучиста и светла.

Зерна глаз твоих осыпались, завя-
ли,
Имя тонкое растаяло, как звук,
Но остался в складках смятой
шали
Запах меда от невинных рук.

*В тихий час, когда заря на крыше,
Как котенок, моет лапкой рот,
Говор кроткий о тебе я слышу
Водяных поющих с ветром сот.*

*Пусть порой мне шепчет синий
вечер,
Что была ты песня и мечта,
Всё ж, кто выдумал твой гибкий
стан
и плечи —
К светлой тайне приложил уста.*

*Не бродить, не мять в кустах
багряных
Лебеды и не искать следа.
Со снопом волос твоих овсяных
Отоснилась ты мне навсегда.*

1916

** * **

*Даль подернулась туманом,
Чешет тучи лунный гребень.
Красный вечер за куканом
Расстелил кудрявый бредень.*

*Под окном от скользких ветел
Перепельи звоны ветра.*

*Тихий сумрак, ангел теплый,
Напоен нездешним светом.*

*Сон избы легко и ровно
Хлебным духом сеет притчи.
На сухой соломе в дровнях
Слаще меда пот мужичий.*

*Чей-то мягкий лик за лесом,
Пахнет вишнями и мохом...
Друг, товарищ и ровесник,
Помолись коровьим вздохам.*

Июнь 1916

Голубень

*В прозрачном холоде заголубели
долы,
Отчетлив стук подкованных ко-
пыт,
Трава, поблекшая, в расстеленные
полы
Сбирает медь с обветренных ра-
кит.*

*С пустых лощин ползет дугою
тощей*

Сырой туман, курчаво свившись в
мох,
И вечер, свесившись над речкою,
полощет
Водою белой пальцы синих ног.

* * *

Осенним холодом расцвечены на-
дежды,
Бредет мой конь, как тихая судь-
ба,
И ловит край махающей одежды
Его чуть мокрая буланая губа.

В дорогу дальнюю, не к битве, не к
покою,
Влекут меня незримые следы,
Погаснет день, мелькнув пятой
златою,
И в короб лет улягутся труды.

* * *

Сыпучей ржавчиной краснеют по
дороге
Холмы плешивые и слегшийся пе-
сок,
И пляшет сумрак в галочьей тре-
воге,

Согнув луну в пастушеский ро-
жок.

Молочный дым качает ветром
села,
Но ветра нет, есть только лег-
кий звон.
И дремлет Русь в тоске своей ве-
селой,
Вцепивши руки в желтый кру-
тосклон.

* * *

Манит ночлег, недалеко до хаты,
Укропом вялым пахнет огород,
На грядки серые капуста волнова-
той
Рожок луны по капле масло льет.

Тянусь к теплу, вдыхаю мягкость
хлеба
И с хрустом мысленно кусаю
огурцы,
За ровной гладью вздрогнувшее
небо
Выводит облако из стойла под
узды.

* * *

Ночлег, ночлег, мне издавна зна-
кома
Твоя попутная разымчивость в
крови,
Хозяйка спит, а свежая солома
Примята ляжками вдовеющей
любви.

Уже светает, краской тараканьей
Обведена божница по углу,
Но мелкий дождь своей молитвой
ранней
Еще стучит по мутному стеклу.

* * *

Опять передо мною голубое поле,
Качают лужи солнца рдяный лик.
Иные в сердце радости и боли,
И новый говор липнет на язык.

Водою зыбкой стынет синь во взо-
рах,
Бредет мой конь, откинув удила,
И горстью смуглою листвы по-
следний ворох
Кидает ветер вслед из подола.

1917

О Матерь Божья,
Спади звездой
На бездорожье,
В овраг глухой.

Пролей, как масло,
Власа луны
В мужичьи ясли
Моей страны.

Срок ночи долог.
В них спит твой сын.
Спусти, как полог,
Зарю на синь.

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да възграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой младень.

1917

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

По голубой долине,
Меж телок и коров,
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов.

В руках – краюха хлеба,
Уста – вишневый сок.
И вызвездило небо
Пастушеский рожок.

За ним, с снегов и ветра,
Из монастырских врат,
Идет, одетый светом,
Его средний брат.

От Вытегры до Шуи
Он избродил весь край
И выбрал кличку – Ключев,
Смиренный Миколай.

Монашья мудр и ласков,
Он весь в резьбе молвы,
И тихо сходит пасха

С бескудрой головы.

*А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый,
Такой разбойный я.*

*Долга, крута дорога,
Несчетны склоны гор;
Но даже с тайной Бога
Веду я тайно спор.*

*Сшибаю камнем месяц
И на немую дрожь
Бросаю, в небо свесясь,
Из голенища нож.*

*За мной незримым роем
Идет кольцо других,
И далеко по селам
Звонит их бойкий стих.*

*Из трав мы вяжем книги,
Слова трясем с двух пол.
И сродник наш, Чапыгин,
Певуч, как снег и дол.*

Сокройся, сгинь ты, племя

Смердящих снов и дум!
На каменное темя
Несем мы звездный шум.

Довольно гнить и ноять,
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!
С иными именами
Встает иная степь.

1917

* * *

Разбуди меня завтра рано,
О моя терпеливая мать!
Я пойду за дорожным курганом
Дорогого гостя встречать.

Я сегодня увидел в пуще
След широких колес на лугу.
Треплет ветер под облачной ку-
щей
Золотую его дугу.

На рассвете он завтра промчит-

ся,
Шапку-месяц пригнув под кустом,
И игриво взмахнет кобылица
Над равниною красным хвостом.

Разбуди меня завтра рано,
Засвети в нашей горнице свет.
Говорят, что я скоро стану
Знаменитый русский поэт.

Воспою я тебя и гостя,
Нашу печь, петуха и кров...
И на песни мои прольется
Молоко твоих рыжих коров.

1917

* * *

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть.

Золотою лягушкой луна
Распласталась на тихой воде.
Словно яблонный цвет, седина
У отца пролилась в бороде.

Я не скоро, не скоро вернусь!

Долго петь и звенеть пурге.
Стережет голубую Русь
Старый клен на одной ноге.

И я знаю, есть радость в нем
Тем, кто листья целует дождь,
Оттого что тот старый клен
Головой на меня похож.

1918

Хулиган

Дождик мокрыми метлами чи-
стит
Ивняковый помет по лугам.
Плюйся, ветер, охапками ли-
стьев, —
Я такой же, как ты, хулиган.

Я люблю, когда синие чащи,
Как с тяжелой походкой волы,
Животами, листвой хрипящими,
По коленкам марают стволы.

Вот оно, мое стадо рыжее!
Кто ж воспеть его лучше мог?
Вижу, вижу, как сумерки лижут

Следы человеческих ног.

Русь моя, деревянная Русь!
Я один твой певец и глашатай.
Звериных стихов моих грусть
Я кормил резедой и мятой.

Взбрезжи, полночь, луны кувшин
Зачерпнуть молока берез!
Словно хочет кого придушить
Руками крестов погост!

Бродит черная жуть по холмам,
Злобу вора струит в наш сад,
Только сам я разбойник и хам
И по крови степной конокрад.

Кто видал, как в ночи кипит
Кипяченых черемух рать?
Мне бы в ночь в голубой степи
Где-нибудь с кистенем стоять.

Ах, увял головы моей куст,
Засосал меня песенный плен.
Осужден я на каторге чувств
Вертеть жернова поэм.

Но не бойся, безумный ветер,

*Плюй спокойно листвой по лугам.
Не сотрет меня клочок «поэт»,
Я и в песнях, как ты, хулиган.*

1919

** * **

*Грубым дается радость.
Нежным дается печаль.
Мне ничего не надо,
Мне никого не жаль.*

*Жаль мне себя немного,
Жалко бездомных собак.
Эта прямая дорога
Меня привела в кабак.*

*Что ж вы ругаетесь, дьяволы?
Иль я не сын страны?
Каждый из нас закладывал
За рюмку свои штаны.*

*Мутно гляжу на окна.
В сердце тоска и зной.
Катится, в солнце измокнув,
Улица передо мной.*

*А на улице мальчик сопливый.
Воздух поджарен и сух.*

Мальчик такой счастливый
И ковыряет в носу.

Ковыряй, ковыряй, мой милый,
Суй туда палец весь,
Только вот с эфтой силой
В душу свою не лезь.

Я уж готов. Я робкий.
Глянь на бутылок рать!
Я собираю пробки —
Душу мою затыкать.

1922

* * *

Мне осталась одна забава:
Пальцы в рот и веселый свист.
Прокатилась дурная слава,
Что похабник я и скандалист.

Ах! какая смешная потеря!
Много в жизни смешных потерь.
Стыдно мне, что я в Бога верил.
Горько мне, что не верю теперь.

Золотые, далекие дали!
Все сжигает житейская мреть.
И похабничал я и скандалил

Для того, чтобы ярче гореть.

*Дар поэта – ласкать и карябать,
Роковая на нем печать.
Розу белую с черною жабой
Я хотел на земле повенчать.*

*Пусть не сладились, пусть не сбы-
лись
Эти помыслы розовых дней.
Но коль черти в душе гнездились
—
Значит, ангелы жили в ней.*

*Вот за это веселие мути,
Отправляясь с ней в край иной,
Я хочу при последней минуте
Попросить тех, кто будет со
мною, —*

*Чтоб за все за грехи мои тяжкие,
За неверие в благодать
Положили меня в русской рубаш-
ке
Под иконами умирать.*

1923

Я усталым таким еще не был.
В эту серую морозь и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

Много женщин меня любило,
Да и сам я любил не одну,
Не от этого ль темная сила
Приучила меня к вину?

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не впервые!
Не с того ли глаза мне точит,
Словно синие листья, червь?

Не больна мне ничья измена,
И не радуется легкость побед, —
Тех волос золотое сено
Превращается в серый цвет.

Превращается в пепел и воды,
Когда цедит осенняя муть.
Мне не жаль вас, прошедшие годы,
—
Ничего не хочу вернуть.

Я устал себя мучить бесцельно,
И с улыбкою странной лица

Полюбил я носить в легком теле
Тихий свет и покой мертвеца...

И теперь даже стало не тяжело
Ковылять из притона в притон,
Как в смирительную рубашку,
Мы природу берем в бетон.

И во мне, вот по тем же законам,
Умиряется бешеный пыл.
Но и все ж отношусь я с покло-
ном
К тем полям, что когда-то лю-
бил.

В те края, где я рос под кленом,
Где резвился на желтой траве, —
Шлю привет воробьям, и воро-
нам,
И рыдающей в ночь сове.

Я кричу им в весенние дали:
«Птицы милые, в синюю дрожь
Передайте, что я отскандалил, —
Пусть хоть ветер теперь начина-
ет
Под микитки дубасить рожь».

1923

Не ругайтесь. Такое дело!
Не торговец я на слова.
Запрокинулась и отяжелела
Золотая моя голова.

Нет любви ни к деревне, ни к горо-
ду,
Как же смог я ее донести?
Брошу всё. Отпущу себе бороду
И бродягой пойду по Руси.

Позабуду поэмы и книги,
Перекину за плечи суму,
Оттого что в полях забулдыге
Ветер больше поет, чем кому.

Провоняю я редькой и луком
И, тревожа вечернюю гладь,
Буду громко сморкаться в руку
И во всем дурака валять.

И не нужно мне лучшей удачи,
Лишь забыться и слушать пургу,
Оттого что без этих чудачеств
Я прожить на земле не могу.

Не жалею, не зову, не плачу,
Всё пройдет, как с белых яблонь
дым.

Увяданья золотом охваченный,
Я не буду больше молодым.

Ты теперь не так уж будешь
биться,
Сердце, тронутое холодком,
И страна березового ситца
Не заманит шляться босиком.

Дух бродяжий! ты всё реже, реже
Расшевеливаешь пламень уст.
О моя утраченная свежесть,
Буйство глаз и половодье чувств.

Я теперь скунее стал в желаньях,
Жизнь моя? иль ты приснилась
мне?
Словно я весенней гулкой ранью
Проскакал на розовом коне.

Все мы, все мы в этом мире тлен-
ны,
Тихо льется с кленов листьев
медь...

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процветать и умереть.

1921

* * *

Я обманывать себя не стану,
Залегла забота в сердце мгл
истом.

Отчего прослыл я шарлатаном?
Отчего прослыл я скандалистом?

Не злодей я и не грабил лесом,
Не расстреливал несчастных по
темницам.

Я всего лишь уличный повеса,
Улыбающийся встречным лицам.

Я московский озорной гуляка.
По всему тверскому околотку
В переулках каждая собака
Знает мою легкую походку.

Каждая задрипанная лошадь
Головой кивает мне навстречу.
Для зверей приятель я хороший,
Каждый стих мой душу зверя ле
чит.

Я хожу в цилиндре не для женщин

—

*В глупой страсти сердце жить не
в силе, —*

В нем удобней, грусть свою умень-
шив,

Золото овса давать кобыле.

*Средь людей я дружбы не имею,
Я иному покорился царству.*

*Каждому здесь кобелю на шею
Я готов отдать мой лучший гал-*
стук.

*И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась омутъ в сердце
мглистом.*

*Оттого прослыл я шарлатаном,
Оттого прослыл я скандали-*
стом.

1922

Письмо матери

*Ты жива еще, моя старушка?
Жив и я. Привет тебе, привет!
Пусть струится над твоей из-
бушкой
Тот вечерний несказанный свет.*

*Пишут мне, что ты, тая трево-
гу,
Загрустила шибко обо мне,
Что ты часто ходишь на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

*И тебе в вечернем синем мраке
Часто видится одно и то ж:
Будто кто-то мне в кабацкой
драке
Саданул под сердце финский нож.*

*Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная бредь.
Не такой уж горький я пропойца,
Чтоб, тебя не видя, умереть.*

*Я по-прежнему такой же нежный
И мечтаю только лишь о том,*

*Чтоб скорее от тоски мятежной
Воротиться в низенький наш дом.*

*Я вернусь, когда раскинет ветви
По-весеннему наш белый сад.
Только ты меня уж на рассвете
Не буди, как восемь лет назад.*

*Не буди того, что от мечталось,
Не волнуй того, что не сбылось,*

—
*Слишком раннюю утрату и уста-
лость
Испытать мне в жизни приве-
лось.*

*И молиться не учи меня. Не надо!
К старому возврата больше нет.
Ты одна мне помощь и отрада,
Ты одна мне несказанный свет.*

*Так забудь же про свою тревогу,
Не грусти так шибко обо мне.
Не ходи так часто на дорогу
В старомодном ветхом шушуне.*

1924

*Заметался пожар голубой,
Позабылись родимые дали.
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.*

*Был я весь – как запущенный сад,
Был на женищин и зелие падкий.
Разонравилось пить и плясать
И терять свою жизнь без огляд-
ки.*

*Мне бы только смотреть на те-
бя,
Видеть глаз злато-карий омут,
И чтоб, прошлое не любя,
Ты уйти не смогла к другому.*

*Поступь нежная, легкий стан,
Если б знала ты сердцем упор-
ным,
Как умеет любить хулиган,
Как умеет он быть покорным.*

*Я б навеки забыл кабаки
И стихи бы писать забросил,
Только б тонко касаться руки
И волос твоих цветом в осень.*

Я б навеки пошел за тобой
Хоть в свои, хоть в чужие дали...
В первый раз я запел про любовь,
В первый раз отрекаюсь сканда-
лить.

1923

* * *

Мне грустно на тебя смотреть,
Какая боль, какая жалость!
Знать, только ивовая медь
Нам в сентябре с тобой оста-
лась.

Чужие губы разнесли
Твое тепло и трепет тела.
Как будто дождик моросит
С души, немного омертвелой.

Ну что ж! Я не боюсь его.
Иная радость мне открылась.
Ведь не осталось ничего,
Как только желтый тлен и сы-
рость.

Ведь и себя я не сберег
Для тихой жизни, для улыбок.
Так мало пройдено дорог,

Так много сделано ошибок.

Смешная жизнь, смешной разлад.
Так было и так будет после.
Как кладбище, усеян сад
В берез изглоданные кости.

Вот так же отцветем и мы
И отшумим, как гости сада...
Коль нет цветов среди зимы,
Так и грустить о них не надо.

1923

* * *

Ты прохладой меня не мучай
И не спрашивай, сколько мне лет.
Одержимый тяжелой падучей,
Я душой стал, как желтый скелет.

Было время, когда из предместья
Я мечтал по-мальчишески – в
дым,
Что я буду богат и известен
И что всеми я буду любим.

Да! Богат я, богат с излишком.
Был цилиндр, а теперь его нет.

Лишь осталась одна манишка
С модной парой избитых штиб-
лет.

И известность моя не хуже,
От Москвы по парижскую рвань
Мое имя наводит ужас,
Как заборная, громкая брань.

И любовь, не забавное ль дело?
Ты целуешь, а губы как жель.
Знаю, чувство мое перезрело,
А твое не сумеет расцвести.

Мне пока горевать еще рано,
Ну, а если есть грусть – не беда!
Золотей твоих кос по курганам
Молодая шумит лебеда.

Я хотел бы опять в ту мест-
ность,
Чтоб под шум молодой лебеды
Утонуть навсегда в неизвест-
ность
И мечтать по-мальчишески – в
дым.

Но мечтать о другом, о новом,

Непонятном земле и траве,
Что не выразить сердцу словом
И не знает назвать человек.

1923

* * *

Вечер черные брови насопил.
Чьи-то кони стоят у двора.
Не вчера ли я молодость пропил?
Разлюбил ли тебя не вчера?

Не храни, запоздалая тройка!
Наша жизнь пронеслась без следа.
Может, завтра больничная койка
Упокоит меня навсегда.

Может, завтра совсем по-друго-
му
Я уйду, исцеленный навек,
Слушать песни дождей и черемух,
Чем здоровый живет человек.

Позабуду я мрачные силы,
Что терзали меня, губя.
Облик ласковый! Облик милый!
Лишь одну не забуду тебя.

Пусть я буду любить другую,

Но и с нею, с любимой, с другой,
Расскажу про тебя, дорогую,
Что когда-то я звал дорогой.

Расскажу, как текла бывшая
Наша жизнь, что былой не была...
Голова ль ты моя удалая,
До чего ж ты меня довела?

1923

* * *

Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благо-
дать.
Может быть, и скоро мне в доро-
гу
Бренные пожитки собирать.

Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.

Слишком я любил на этом свете
Всё, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.

Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и
жил.

Счастлив тем, что целовал я
женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших мень-
ших,
Никогда не бил по голове.

Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.

Знаю я, что в той стране не бу-
дет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.

1924

Пушкину

*Мечтая о могучем даре
Того, кто русской стал судьбой,
Стою я на Тверском бульваре,
Стою и говорю с собой.*

*Блондинистый, почти белесый,
В легендах ставший как туман,
О Александр! Ты был повеса,
Как я сегодня хулиган.*

*Но эти милые забавы
Не затемнили образ твой,
И в бронзе выкованной славы
Трясешь ты гордой головой.*

*А я стою, как пред причастьем,
И говорю в ответ тебе:
Я умер бы сейчас от счастья,
Сподобленный такой судьбе.*

*Но, обреченный на гоненье,
Еще я долго буду петь...
Чтоб и мое степное пенье
Сумело бронзой прозвенеть.*

1924

Низкий дом с голубыми ставнями,
Не забыть мне тебя никогда, —
Слишком были такими недавними
Отзвучавшие в сумрак года.

До сегодня еще мне снится
Наше поле, луга и лес,
Принакрытые сереньким ситцем
Этих северных бедных небес.

Восхищаться уж я не умею
И пропасть не хотел бы в глуши,
Но, наверно, навеки имею
Нежность грустную русской души.

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.

Только видели березь да цветь,
Да ракитник, кривой и безлистый,
Да разбойные слышали свисты,
От которых легко умереть.

Как бы я и хотел не любить,
Все равно не могу научиться,
И под этим дешевеньким ситцем
Ты мила мне, родимая выть.

Потому так и днями недавними
Уж не юные веют года...
Низкий дом с голубыми ставня-
ми,
Не забыть мне тебя никогда.

1924

* * *

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в ми-
ре
странник —
Пройдет, зайдет и вновь оставит
дом.
О всех ушедших грезит конопля-
ник
С широким месяцем над голубым
прудом.

Стою один среди равнины голой,
А журавлей относит ветер в
даль,
Я полон дум о юности веселой,
Но ничего в прошедшем мне не
жаль.

Не жаль мне лет, растраченных
напрасно,
Не жаль души сиреневую цветь.
В саду горит костер рябины крас-
ной,
Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
От желтизны не пропадет тра-
ва.
Как дерево роняет тихо листья,
Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
Сгребет их все в один ненужный
ком...
Скажите так... что роща золо-
тая
Отговорила милым языком.

1924

Собаке Качалова

*Дай, Джим, на счастье лапу мне,
Такую лапу не видал я сроду.
Давай с тобой полаем при луне
На тихую, бесшумную погоду.
Дай, Джим, на счастье лапу мне.*

*Пожалуйста, голубчик, не ли-
жись.
Пойми со мной хоть самое про-
стое.
Ведь ты не знаешь, что такое
жизнь,
Не знаешь ты, что жить на све-
те стоит.*

*Хозяин твой и мил и знаменит,
И у него гостей бывает в доме
много,
И каждый, улыбаясь, норовит
Тебя по шерсти бархатной потро-
гать.*

*Ты по-собачьи дьявольски красив,
С такою милою доверчивой при-
ятцей.*

*И, никого ни капли не спросив,
Как пьяный друг, ты лезешь цело-
ваться.*

*Мой милый Джим, среди твоих
гостей
Так много всяких и невсяких было.
Но та, что всех безмолвней и
грустней,
Сюда случайно вдруг не заходила?*

*Она придет, даю тебе поруку.
И без меня, в ее уставясь взгляд,
Ты за меня лизни ей нежно руку
За всё, в чем был и не был вино-
ват.*

1925

** * **

*Несказанное, синее, нежное...
Тих мой край после бурь, после
гроз,
И душа моя – поле безбрежное —
Дышит запахом меда и роз.*

*Я утих. Годы сделали дело,
Но того, что прошло, не кляню.
Словно тройка коней оголтелая*

Прокатилась во всю страну.

*Напылили кругом. Накопытили.
И пропали под дьявольский свист.
А теперь вот в лесной обители
Даже слышно, как падает лист.*

*Колокольчик ли? Дальнее эхо ли?
Всё спокойно впивает грудь.
Стой, душа, мы с тобой проехали
Через бурный положенный путь.*

*Разберемся во всем, что видели,
Что случилось, что случилось в
стране,
И простим, где нас горько обиде-
ли
По чужой и по нашей вине.*

*Принимаю, что было и не было,
Только жаль на тридцатом году*
—

*Слишком мало я в юности требо-
вал,
Забываясь в кабацком чаду.*

*Но ведь дуб молодой, не разжелу-
дась,*

Так же гнется, как в поле трава...
Эх ты, молодость, буйная молодость,
Золотая сорвиголова!

1925

* * *

Неуютная жидкая лунность
И тоска бесконечных равнин —
Вот что видел я в резвую юность,
Что, любя, проклинал не один.

По дорогам усохшие вербы
И тележная песня колес...
Ни за что не хотел я теперь бы,
Чтоб мне слушать ее привелось.

Равнодушен я стал к лачугам,
И очажный огонь мне не мил,
Даже яблонь весеннюю вьюгу
Я за бедность полей разлюбил.

Мне теперь по душе иное...
И в чахоточном свете луны
Через каменное и стальное
Вижу мощь я родной стороны.

Полевая Россия! Довольно

Волочиться сохой по полям!
Нищету твою видеть больно
И березам и тополям.

Я не знаю, что будет со мною...
Может, в новую жизнь не гожусь,
Но и все же хочу я стальнойю
Видеть бедную, нищую Русь.

И, внимая моторному лаю
В сонме вьюг, в сонме бурь и гроз,
Ни за что я теперь не желаю
Слушать песню тележных колес.

1925

* * *

Я иду долиной. На затылке кепи,
В лайковой перчатке смуглая рука.

Далеко сияют розовые степи,
Широко синее тихая река.

Я – беспечный парень. Ничего не
надо.
Только б слушать песни – сердцем
подпевать,
Только бы струилась легкая про-
хлада,

Только б не сгибалась молодая
стать.

Выйду за дорогу, выйду под отко-
сы, —
Сколько там нарядных мужиков
и баб!
Что-то шепчут грабли, что-то
свищут косы.
«Эй, поэт, послушай, слаб ты иль
не слаб?»

На земле милее. Полно плавать в
небо.
Как ты любишь доли, так бы
труд любил.
Ты ли деревенским, ты ль кре-
стьянским
не был?
Размахнись косою, покажи свой
пыл».

Ах, перо не грабли, ах, коса не руч-
ка —
Но косою выводят строчки хоть
куда.
Под весенним солнцем, под весен-
ней тучкой

Их читают люди всякие года.

*К черту я снимаю свой костюм
английский.*

*Что же, дайте косу, я вам пока-
жу —*

*Я ли вам не свойский, я ли вам не
близкий,*

Памятью деревни я ль не дорожу?

*Нипочем мне ямы, нипочем мне
кочки.*

*Хорошо косою в утренний туман
Выводить по долам травяные
строчки,*

Чтобы их читали лошадь и баран.

*В этих строчках – песня, в этих
строчках – слово.*

*Потому и рад я в думах ни о ком,
Что читать их может каждая
корова,*

*Отдавая плату теплым моло-
ком.*

18 июля 1925

** * **

Спит ковыль. Равнина дорогая,

*И свинцовой свежести полынь.
Никакая родина другая
Не волеет мне в грудь мою теп-
лынь.*

*Знать, у всех у нас такая участь,
И, пожалуй, всякого спроси —
Радуюсь, свирепствуя и мучась,
Хорошо живется на Руси.*

*Свет луны, таинственный и длин-
ный,
Плачут вербы, шепчут тополя.
Но никто под окрик журавлиный
Не разлюбит отчие поля.*

*И теперь, когда вот новым све-
том
И моей коснулась жизнь судьбы,
Все равно остался я поэтом
Золотой бревенчатой избы.*

*По ночам, прижавшись к изголо-
вью,
Вижу я, как сильного врага,
Как чужая юность брызжет но-
вью
На мои поляны и луга.*

Но и все же, новью той теснимый,
Я могу прочувственно пропеть:
Дайте мне на родине любимой,
Все любя, спокойно умереть!

Июль 1925

* * *

Видно, так заведено навеки —
К тридцати годам перебежась,
Все сильней, прожженные калеки,
С жизнью мы удерживаем связь.

Милая, мне скоро стукнет тридцать,
И земля милей мне с каждым
днем.
Оттого и сердцу стало сниться,
Что горю я розовым огнем.

Коль гореть, так уж гореть сгорая,
И недаром в липовую цветъ
Вынул я кольцо у попугая —
Знак того, что вместе нам сгореть.

То кольцо надела мне цыганка.
Сняв с руки, я дал его тебе,

И теперь, когда грустит шарман-
ка,
Не могу не думать, не робеть.

В голове болотный бродит омут,
И на сердце изморозь и мгла:
Может быть, кому-нибудь друго-
му
Ты его со смехом отдала?

Может быть, целуясь до рассве-
та,
Он тебя расспрашивает сам,
Как смешного глупого поэта
Привела ты к чувственным сти-
хам.

Ну и что ж! Пройдет и эта рана.
Только горько видеть жизни край.
В первый раз такого хулигана
Обманул проклятый попугай.

14 июля 1925

* * *

Гори, звезда моя, не падай.
Роняй холодные лучи.
Ведь за кладбищенской оградой
Живое сердце не стучит.

Ты светишь августом и рожью
И наполняешь тишь полей
Такой рыдалистою дрожью
Неотлелевших журавлей.

И, голову вздымая выше,
Не то за рощей – за холмом
Я снова чью-то песню слышу
Про отчий край и отчий дом.

И золотеющая осень,
В березах убавляя сок,
За всех, кого любил и бросил,
Листвою плачет на песок.

Я знаю, знаю. Скоро, скоро
Ни по моей, ни чьей вине
Под низким траурным забором
Лежать придется так же мне.

Погаснет ласковое пламя,
И сердце превратится в прах.
Друзья поставят серый камень
С веселой надписью в стихах.

Но, погребальной грусти внемля,
Я для себя сложил бы так:
Любил он родину и землю,

Как любит пьяница кабак.

17 августа 1925

* * *

Жизнь – обман с чарующей тоскою,
Оттого так и сильна она,
Что своею грубою рукою
Роковые пишет письма.

Я всегда, когда глаза закрою,
Говорю: «Лишь сердце потревожъ,
Жизнь – обман, но и она порою
Украшает радостями ложь».

Обратись лицом к седому небу,
По луне гадая о судьбе,
Успокойся, смертный, и не требуй
Правды той, что не нужна тебе».

Хорошо в черемуховой вьюге
Думать так, что эта жизнь –
стезя.
Пусть обманут легкие подруги,
Пусть изменяют легкие друзья.

Пусть меня ласкают нежным
словом,

Пусть острее бритвы злой язык,

—
*Я живу давно на все готовым,
Ко всему безжалостно привык.*

*Холодят мне душу эти выси,
Нет тепла от звездного огня.
Те, кого любил я, отреклись,
Кем я жил – забыли про меня.*

*Но и все ж, теснимый и гонимый,
Я, смотря с улыбкой на зарю,
На земле, мне близкой и люби-
мой,
Эту жизнь за все благодарю.*

17 августа 1925

Персидские мотивы

*Улеглась моя бывшая рана —
Пьяный бред не гложет сердце
мне.*

*Синими цветами Тегерана
Я лечу их нынче в чайхане.*

*Сам чайханик с круглыми пле-
чами,
Чтобы славилась пред русским
чайхана,
Угощает меня красным чаем
Вместо крепкой водки и вина.*

*Угощай, хозяин, да не очень.
Много роз цветет в твоём саду.
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.*

*Мы в России девушек весенних
На цепи не держим, как собак,
Поцелуям учимся без денег,
Без кинжальных хитростей и
драк.*

Ну, а этой за движенья стана,

Что лицом похожа на зарю,
Подарю я шаль из Хороссана
И ковер ширазский подарю.

Наливай, хозяин, крепче чаю,
Я тебе вовеки не солгу.
За себя я нынче отвечаю,
За тебя ответить не могу.

И на дверь ты взглядывай не
очень,
Все равно калитка есть в саду...
Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру.

1924

* * *

Я спросил сегодня у менялы,
Что дает за полтумана по руб-
лю,
Как сказать мне для прекрасной
Лалы
По-персидски нежное «люблю»?

Я спросил сегодня у менялы
Легче ветра, тише Ванских струй,
Как назвать мне для прекрасной
Лалы

Слово ласковое «поцелуй»?

*И еще спросил я у менялы,
В сердце робость глубже притая,
Как сказать мне для прекрасной
Далы,
Как сказать ей, что она «моя»?*

*И ответил мне меняла кратко:
О любви в словах не говорят,
О любви вздыхают лишь украдкой,
Да глаза, как яхонты, горят.*

*Поцелуй названья не имеет,
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах.*

*От любви не требуют поруки,
С нею знают радость и беду.
«Ты – моя» сказать лишь могут
руки,
Что срывали черную чадру.*

1924

** * **

Шаганэ ты моя, Шаганэ!

Потому, что я с севера, что ли,
Я готов рассказать тебе поле,
Про волнистую рожь при луне.
Шаганэ ты моя, Шаганэ.

Потому, что я с севера, что ли,
Что луна там огромней в сто
раз,
Как бы ни был красив Шираз,
Он не лучше рязанских раздолий.
Потому, что я с севера, что ли.

Я готов рассказать тебе поле,
Эти волосы взял я у ржи,
Если хочешь, на палец вяжи —
Я нисколько не чувствую боли.
Я готов рассказать тебе поле.

Про волнистую рожь при луне
По кудрям ты моим догадайся.
Дорогая, шути, улыбайся,
Не буди только память во мне
Про волнистую рожь при луне.

Шаганэ ты моя, Шаганэ!
Там, на севере, девушка тоже,
На тебя она страшно похожа,
Может, думает обо мне...

Шаганэ ты моя, Шаганэ.

1924

* * *

*Ты сказала, что Саади
Целовал лишь только в грудь.
Подожди ты, бога ради,
Обучусь когда-нибудь!*

*Ты пропела: «За Ефратом
Розы лучше смертных дев».
Если был бы я богатым,
То другой сложил напев.*

*Я б порезал розы эти,
Ведь одна отрада мне —
Чтобы не было на свете
Лучше милой Шаганэ.*

*И не мучь меня заветом,
У меня заветов нет.
Коль родился я поэтом,
То целуюсь, как поэт.*

19 декабря 1924

* * *

Никогда я не был на Босфоре,

Ты меня не спрашивай о нем.
Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем.

Не ходил в Багдад я с караваном,
Не возил я шелк туда и хну.
Наклонись своим красивым ста-
ном,
На коленях дай мне отдохнуть.

Или снова, сколько ни проси я,
Для тебя навеки дела нет,
Что в далеком имени – Россия —
Я известный, признанный поэт.

У меня в душе звенит тальянка,
При луне собачий слышу лай.
Разве ты не хочешь, персиянка,
Увидать далекий синий край?

Я сюда приехал не от скуки —
Ты меня, незримая, звала.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла.

Я давно ищу в судьбе покоя
И хоть прошлой жизни не кляню,
Расскажи мне что-нибудь такое

Про твою веселую страну.

*Заглуши в душе тоску тальянки,
Напои дыханьем свежих чар,
Чтобы я о дальней северянке
Не вздыхал, не думал, не скучал.*

*И хотя я не был на Босфоре —
Я тебе придумаю о нем.
Все равно – глаза твои, как море,
Голубым колышутся огнем.*

21 декабря 1924

** * **

*Свет вечерний шафранного края,
Тихо розы бегут по полям.
Спой мне песню, моя дорогая,
Ту, которую пел Хаям.
Тихо розы бегут по полям.*

*Лунным светом Шираз осиянен,
Кружит звезд мотыльковый рой.
Мне не нравится, что персияне
Держат женщин и дев под чадрой.
Лунным светом Шираз осиянен.*

*Иль они от тепла застыли,
Закрывая телесную медь?*

Или, чтобы их больше любили,
Не желают лицом загореть,
Закрывая телесную медь?

Дорогая, с чадрой не дружись,
Заучи эту заповедь вкратце,
Ведь и так коротка наша жизнь,
Мало счастьем дано любоваться.
Заучи эту заповедь вкратце.

Даже все некрасивое в роке
Осеняет своя благодать.
Потому и прекрасные щеки
Перед миром грешно закрывать,
Коль дала их природа-мать.

Тихо розы бегут по полям.
Сердицу снится страна другая.
Я спую тебе сам, дорогая,
То, что сроду не пел Хаям...
Тихо розы бегут по полям.

1924

* * *

Воздух прозрачный и синий,
Выйду в цветочные чащи.
Путник, в лазурь уходящий,
Ты не дойдешь до пустыни.

Воздух прозрачный и синий.

*Лугом пройдешь, как садом,
Садом – в цветенье диком,
Ты не удержишься взглядом,
Чтоб не припасть к звездикам.
Лугом пройдешь, как садом.*

*Шепот ли, шорох иль шелест —
Нежность, как песни Саади.
Вмиг отразится во взгляде
Месяца желтая прелесть,
Нежность, как песни Саади.*

*Голос раздастся пери,
Тихий, как флейта Гассана.
В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана.*

*Вот он, удел желанный
Всех, кто в пути устали,
Ветер благоуханный.
Пью я сухими устами
Ветер благоуханный.*

** * **

Золото холодное луны,

Запах олеандра и левкоя.
Хорошо бродить среди покоя
Голубой и ласковой страны.

Далеко-далече там Багдад,
Где жила и пела Шахразада.
Но теперь ей ничего не надо.
Отзвенел давно звеневший сад.

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внем-
ли,
Не склоняйся к плитам головою.

Оглянись, как хорошо кругом:
Губы к розам так и тянет, тя-
нет.
Помиришь лишь в сердце со врагом
—
И тебя блаженством ошафра-
нит.

Жить – так жить, любить – так
уж
влюбляться.
В лунном золоте целуйся и гуляй,
Если ж хочешь мертвым покло-

няться,
То живых тем сном не отравляй.

Это пела даже Шахразада, —
Так вторично скажет листьев
медь.

Тех, которым ничего не надо,
Только можно в мире пожалеть.

1925

* * *

В Хороссане есть такие двери,
Где обсыпан розами порог.
Там живет задумчивая пери.
В Хороссане есть такие двери,
Но открыть те двери я не мог.

У меня в руках довольно силы,
В волосах есть золото и медь.
Голос пери нежный и красивый.
У меня в руках довольно силы,
Но дверей не смог я отпереть.

Ни к чему в любви моей отвага.
И зачем? Кому мне песни петь? —
Если стала неревнивой Шага,
Коль дверей не смог я отпереть,
Ни к чему в любви моей отвага.

Мне пора обратно ехать в Русь.
Персия! Тебя ли покидаю?
Навсегда ль с тобою расстанюсь
Из любви к родимому мне краю?
Мне пора обратно ехать в Русь.

До свиданья, пери, до свиданья.
Пусть не смог я двери отпереть,
Ты дала красивое страданье,
Про тебя на родине мне петь.
До свиданья, пери, до свиданья.

Март 1925

* * *

Голубая родина Фирдуси,
Ты не можешь, памятью про-
стыв,
Позабывать о ласковом урусе
И глазах, задумчиво простых,
Голубая родина Фирдуси.

Хороша ты, Персия, я знаю,
Розы, как светильники, горят
И опять мне о далеком крае
Свежестью упругой говорят.
Хороша ты, Персия, я знаю.

Я сегодня пью в последний раз

Ароматы, что хмельны, как бра-
га.

И твой голос, дорогая Шага,
В этот трудный расставанья час
Слушаю в последний раз.

Но тебя я разве позабуду?
И в моей скитальческой судьбе
Близкому и дальнему мне люду
Буду говорить я о тебе —
И тебя навеки не забуду.

Я твоих несчастий не боюсь,
Но на всякий случай твой угрю-
мый
Оставляю песенку про Русь:
Запевая, обо мне подумай,
И тебе я в песне отзовусь...

Март 1925

* * *

Быть поэтом – это значит то
же,
Если правды жизни не нарушить,
Рубцевать себя по нежной коже,
Кровью чувств ласкать чужие ду-
ши.

Быть поэтом – значит петь раз-
долье,
Чтобы было для тебя известней,
Соловей поет – ему не больно,
У него одна и та же песня.

Канарейка с голоса чужого —
Жалкая, смешная побрякушка.
Миру нужно песенное слово
Петь по-свойски, даже как лягуш-
ка.

Магомет перехитрил в Коране,
Запрещая крепкие напитки,
Потому поэт не перестанет
Пить вино, когда идет на пытки.

И когда поэт идет к любимой,
А любимая с другим лежит на ло-
же,
Влагою живительной хранимый,
Он ей в сердце не запустит но-
жик.

Но, горя ревнивою отвагой,
Будет вслух насвистывать до до-
ма:
«Ну и что ж, помру себе бродягой,

На земле и это нам знакомо».

Август 1925

** * **

*«Отчего луна так светит тускло
На сады и стены Хороссана?
Словно я хожу равниной русской
Под шуршащим пологом тумана», —*

*Так спросил я, дорогая Лала,
У молчащих ночью кипарисов,
Но их рать ни слова не сказала,
К небу гордо головы завывив.*

*«Отчего луна так светит грустно?» —
У цветов спросил я в тихой чаще,
И цветы сказали: «Ты почувствуй
По печали розы шелестящей».*

*Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала».*

*Говорила: «Русский не заметит...
Сердицу – песнь, а песне – жизнь и*

тело...»

Оттого луна так тускло светит,
Оттого печально побледнела.

Слишком много виделось измены,
Слез и мук, кто ждал их, кто не
хочет.

.....

Но и всё ж вовек благословенны
На земле сиреневые ночи.

Август 1925

* * *

Голубая да веселая страна.
Честь моя за песню продана.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Слышишь, роза клонится и гнет-
ся —

Эта песня в сердце отзовется.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Ты – ребенок, в этом спора нет,
Да и я ведь разве не поэт?
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Дорогая Гелия, прости.
Много роз бывает на пути,
Много роз склоняется и гнется,
Но одна лишь сердцем улыбнется.

Улыбнемся вместе. Ты и я.
За такие милые края.
Ветер с моря, тише дуй и вей —
Слышишь, розу кличет соловей?

Голубая да веселая страна.
Пусть вся жизнь моя за песню
продана,
Но за Гелию в тенях ветвей
Обнимает розу соловей.

8 апреля 1925

* * *

Руки милой – пара лебедей —
В золоте волос моих ныряют.
Все на этом свете из людей
Песнь любви поют и повторяют.

Пел и я когда-то далеко
И теперь пою про то же снова,
Потому и дышит глубоко
Нежностью пропитанное слово.

Если душу вылюбить до дна,
Сердце станет глыбой золотою,
Только тегеранская луна
Не согреет песни теплотою.

Я не знаю, как мне жизнь про-
жить:
Догореть ли в ласках милой Шаги
Иль под старость трепетно ту-
жить
О прошедшей песенной отваге?

У всего своя походка есть:
Что приятно уху, что – для глаза.
Если перс слагает плохо песнь,
Значит, он вовек не из Шираза.

Про меня же и за эти песни
Говорите так среди людей:
Он бы пел нежнее и чудесней,
Да сгубила пара лебедей.

Август 1925

* * *

Глупое сердце, не бейся!
Все мы обмануты счастьем,
Нищий лишь просит участия...
Глупое сердце, не бейся.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в пролесь.
Лале склоняясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бейся.

Все мы порою, как дети,
Часто смеемся и плачем:
Выпали нам на свете
Радости и неудачи.
Глупое сердце, не бейся.

Многие видел я страны,
Счастья искал повсюду,
Только удел желанный
Больше искать не буду.
Глупое сердце, не бейся.

Жизнь не совсем обманула.
Новой напьемся силой.
Сердце, ты хоть бы заснуло
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула.

Может, и нас отметит
Рок, что течет лавиной,
И на любовь ответит
Песнею соловьиной.

Глуное сердце, не бейся.

Август 1925

** * **

*Эх вы, сани! А кони, кони!
Видно, черт их на землю принес.
В заливчатском степном разгоне
Колокольчик хохочет до слез.*

*Ни луны, ни собачьего лая
В далеко, в стороне, в пустыре.
Поддержись, моя жизнь удалая,
Я еще не навек постарел.*

*Пой, ямщик, вперекор этой ночи,
—
Хочешь, сам я тебе подпою
Про лукавые девичьи очи,
Про веселую юность мою.*

*Эх, бывало, заломишь шапку,
Да заложешь в оглобли коня,
Да приляжешь на сена охапку, —
Вспоминай лишь, как звали меня.*

*И откуда бралась осанка,
А в полуночную тишину
Разговорчивая тальянка*

Уговаривала не одну.

Всё прошло. Поредел мой волос.
Конь издох, опустел наш двор.
Потеряла тальянка голос,
Разучившись вести разговор.

Но и всё же душа не остыла,
Так приятны мне снег и мороз,
Потому что над всем, что было,
Колокольчик хохочет до слез.

19 сентября 1925

* * *

Мелколесье. Степь и дали.
Свет луны во все концы.
Вот опять вдруг зарыдали
Разливные бубенцы.

Непроглядная дорога,
Да любимая навек,
По которой ездил много
Всякий русский человек.

Эх вы, сани! Что за сани!
Звоны мерзлые осин.
У меня отец – крестьянин,
Ну, а я крестьянский сын.

Наплевать мне на известность
И на то, что я поэт.
Эту чахленькую местность
Не видал я много лет.

Тот, кто видел хоть однажды
Этот край и эту гладь,
Тот почти березке каждой
Ножку рад поцеловать.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в стынь и звень
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень.

Эх, гармошка, смерть-отрава,
Знать, с того под этот вой
Не одна лихая слава
Пропадала трын-травой.

21/22 октября 1925

* * *

Клен ты мой опавший, клен заледенелый,
Что стоишь нагнувшись под метелью белой?

Или что увидел? Или что услы-

шал?
Словно за деревню погулять ты
вышел.

И, как пьяный сторож, выйдя на
дорогу,
Утонул в сугробе, приморозил но-
гу.

Ах, и сам я нынче чтой-то стал
нестойкий,
Не дойду до дома с дружеской по-
пойки.

Там вон встретил вербу, там сос-
ну приметил,
Распевал им песни под метель о
лете.

Сам себе казался я таким же кле-
ном,
Только не опавшим, а вовсю зеле-
ным.

И, утратив скромность, одурев-
ши в доску,
Как жену чужую, обнимал берез-
ку.

28 ноября 1925

* * *

Какая ночь! Я не могу.
Не спится мне. Такая лунность.
Еще как будто берегу
В душе утраченную юность.

Подруга охладевших лет,
Не называй игру любовью,
Пусть лучше этот лунный свет
Ко мне струится к изголовью.

Пусть искаженные черты
Он обрисовывает смело, —
Ведь разлюбить не сможешь ты,
Как полюбить ты не сумела.

Любить лишь можно только раз.
Вот оттого ты мне чужая,
Что липы тщетно манят нас,
В сугробы ноги погружая.

Ведь знаю я и знаешь ты,
Что в этот отсвет лунный, си-
ний
На этих липах не цветы —
На этих липах снег да иней.

Что отлюбили мы давно,
Ты не меня, а я – другую,
И нам обоим все равно
Играть в любовь недорогою.

Но все ж ласкай и обнимай
В лукавой страсти поцелуя,
Пусть сердцу вечно снится май
И та, что навсегда люблю я.

30 ноября 1925

* * *

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?
Не смотря в лицо, от страсти
млеешь,
Мне на плечи руки опустив.

Молодая, с чувственным оскалом,
Я с тобой не нежен и не груб.
Расскажи мне, скольких ты ласкала?
Сколько рук ты помнишь? Сколько губ?

Знаю я – они прошли, как тени,
Не коснувшись твоего огня,

Многим ты садилась на колени,
А теперь сидишь вот у меня.

Пусть твои полузакрыты очи
И ты думаешь о ком-нибудь дру-
гом,
Я ведь сам люблю тебя не очень,
Утопая в дальнем дорогом.

Этот пыл не называй судьбою,
Легкодумна вспылчивая связь, —
Как случайно встретился с то-
бою,
Улыбнусь, спокойно разойдся.

Да и ты пойдешь своей дорогой
Распылять безрадостные дни,
Только нецелованных не трогай,
Только негоревших не мани.

И когда с другим по переулку
Ты пройдешь, болтая про любовь,
Может быть, я выйду на прогул-
ку,
И с тобою встретимся мы вновь.

Отвернув к другому ближе плечи
И немного наклонившись вниз,

Ты мне скажешь тихо: «Добрый вечер!»

Я отвечу: «Добрый вечер, miss».

И ничто души не потревожит,
И ничто ее не бросит в дрожь, —
Кто любил, уж тот любить не
может,
Кто сгорел, того не подожжешь.

4 декабря 1925

* * *

Может, поздно, может, слишком
рано,

И о чем не думал много лет,
Походить я стал на Дон Жуана,
Как заправский ветреный поэт.

Что случилось? Что со мною
сталось?

Каждый день я у других колен.
Каждый день к себе теряю жа-
лость,
Не смиряясь с горечью измен.

Я всегда хотел, чтоб сердце мень-
ше

Билось в чувствах нежных и про-

стых,
Что ж ищу в очах я этих женщин
—
Легкодумных, лживых и пустых?

Удержи меня, мое презренье,
Я всегда отмечен был тобой.
На душе холодное кипенье
И сирени шелест голубой.

На душе – лимонный свет заката,
И всё то же слышно сквозь туман, —
За свободу в чувствах есть расплата,
Принимай же вызов, Дон Жуан!

И, спокойно вызов принимая,
Вижу я, что мне одно и то ж —
Чтить метель за синий цветень
мая,
Звать любовью чувственную
дрожь.

Так случилось, так со мною ста-
лось,
И с того у многих я колен,
Чтобы вечно счастье улыбалось,

Не смиряясь с горечью измен.

13 декабря 1925

** * **

*Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
Эту жизнь прожил я словно кста-
ти,
Заодно с другими на земле.*

*И с тобой целуюсь по привычке,
Потому что многих целовал,
И, как будто зажигая спички,
Говорю любовные слова.*

*«Дорогая», «милая», «навек»,
А в душе всегда одно и то ж,
Если тронуть страсти в челове-
ке,
То, конечно, правды не найдешь.*

*Оттого душе моей не жестко
Не желать, не требовать огня,
Ты, моя ходячая березка,
Создана для многих и меня.*

Но, всегда ища себе родную

И томясь в неласковом плену,
Я тебя нисколько не ревную,
Я тебя нисколько не кляню.

Кто я? Что я? Только лишь меч-
татель,
Синь очей утративший во мгле,
И тебя любил я только кстати,
Заодно с другими на земле.

* * *

До свиданья, друг мой, до свиданья.
Милый мой, ты у меня в груди.
Предназначенное расставанье
Обещает встречу впереди.

До свиданья, друг мой, без руки и
слова,
Не грусти и не печаль бровей, —
В этой жизни умирать не ново,
Но и жить, конечно, не новей.

1925

«Маленькие поэмы»

Русь

1

*Потонула деревня в ухабинах,
Заслонили избенки леса.
Только видно, на кочках и впадинах,
Как синеют кругом небеса.*

*Воют в сумерки долгие, зимние,
Волки грозные с тощих полей.
По дворам в погорающем инее
Над застрехами храп лошадей.*

*Как совиные глазки, за ветками
Смотрят в шали пурги огоньки.
И стоят за дубровными сетками,
Словно нечисть лесная, пеньки.*

*Запугала нас сила нечистая,
Что ни прорубь – везде колдуны.
В злую заморозь в сумерки мгlistые
На березках висят галуны.*

2

Но люблю тебя, родина кроткая!
А за что – разгадать не могу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.

Я люблю над покосной стоянкою
Слушать вечером гуд комаров.
А как гаркнут ребята тальян-
кою,
Выйдут девки плясать у костров.

Загорятся, как черна смородина,
Угли-очи в подковах бровей,
Ой ты, Русь моя, милая родина,
Сладкий отдых в шелку купырей.

3

Понакаркали черные вороны:
Грозным бедам широкий простор.
Крутит вихорь леса во все сторо-
ны,
Машет саваном пена с озер.

Грянул гром, чашка неба расколо-
та,
Тучи рваные кутают лес.
На подвесках из легкого золота
Закачались лампадки небес.

Повестили под окнами сотские
Ополченцам идти на войну.
Загыгыкали бабы слободские,
Плач прорезал кругом тишину.

Собирались мирные пахари
Без печали, без жалоб и слез,
Клали в сумочки пышки на сахаре
И пихали на кряжистый воз.

По селу до высокой околицы
Провожал их огулом народ...
Вот где, Русь, твои добрые молод-
цы,
Вся опора в годину невзгод.

4

Затомилась деревня невесточкой

Как-то милые в дальнем краю?
Отчего не уведомят весточкой,

Не погибли ли в жарком бою?

В роще чудились запахи ладана,
В ветре бластились стуки ко-
стей.

И пришли к ним неожиданно-нега-

данно
С дальней волости груди вестей.

Сберегли по ним пахари памятку,
С потом вывели всем по письму.
Подхватили тут родные грамот-
ку,
За ветловую сели тесьму.

Собралися над четницей Лушею
Допытаться любимых речей.
И на корточках плакали, слушая,
На успехи родных силачей.

5

Ах, поля мои, борозды милые,
Хороши вы в печали своей!
Я люблю эти хижины хилые
С поджиданьем седых матерей.

Припаду к лапоточкам берестя-
ным,
Мир вам, грабли, коса и соха!
Я гадаю по взорам невестиным
На войне о судьбе жениха.

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы стать мне кустом у во-

ды.

*Я хочу верить в лучшее с бабами,
Тепля свечку вечерней звезды.*

*Разгадал я их думы несметные,
Не спугнет их ни гром и ни тьма.
За сохою под песни заветные
Не причудится смерть и тюрьма.*

*Они верили в эти каракули,
Выводимые с тяжким трудом,
И от счастья и радости плакали,
Как в засуху над первым дождем.*

*А за думой разлуки с родимыми
В мягких травах, под бусами рос,
Им мерещился в далях за дымами
Над лугами веселый покос.*

*Ой ты, Русь, моя родина кроткая,
Лишь к тебе я любовь берегу.
Весела твоя радость короткая
С громкой песней весной на лугу.*

1914

Инония

Пророку Иеремии

Не утрашуся гибели,
Ни копий, ни стрел дождей —
Так говорит по Библии
Пророк Есенин Сергей.

Время мое пришло,
Не страшен мне лязг кнута.
Тело, Христово тело
Выплываю изо рта.

Не хочу воспринять спасения
Через муки его и крест:
Я иное постиг учение
Прободающих вечность звезд.

Я иное узрел пришествие —
Где не пляшет над правдой
смерть.
Как овцу от поганой шерсти, я
Остригу голубую твердь.

Подыму свои руки к месяцу,
Раскушу его, как орех.
Не хочу я небес без лестницы,
Не хочу, чтобы падал снег.

Не хочу, чтоб умело хмуриться

На озерах зари лицо.
Я сегодня снесся, как курица,
Золотым словесным яйцом.

Я сегодня рукой упругою
Готов повернуть весь мир...
Грозовой расплескались вьюгою
От плечей моих восемь крыл.

2

Лай колоколов над Русью грозный

Это плачут стены Кремля.
Ныне на пики звездные
Вздыбливаю тебя, земля!

Протянусь до незримого города,
Млечный прокушу покров.
Даже Богу я выщиплю бороду
Оскалом моих зубов.

Ухвачу его за гриву белую
И скажу ему голосом вьюг:
Я иным тебя, Господи, сделаю,
Чтобы зрел мой словесный луг!

Проклинаю я дыхание Китежа
И все лощины его дорог.

Я хочу, чтоб на бездонном вытя-
же
Мы воздвигли себе чертог.

Языком вылижу на иконах я
Лики мучеников и святых.
Обещаю вам град Инонию,
Где живет божество живых!

Плачь и рыдай, Московия!
Новый пришел Индикоплов.
Все молитвы в твоём часослове я
Проклюю моим клювом слов.

Уведу твой народ от упования,
Дам ему веру и мощь,
Чтобы плугом он в зори ранние
Распахивал с солнцем ночь.

Чтобы поле его словесное
Выращало ульями злак,
Чтобы зерна под крышей небес-
ною
Озлащали, как пчелы, мрак.

Проклинаю тебя я, Радонеж,
Твои пятки и все следы!
Ты огня золотого залежи

Разрыхлял киркою воды.

*Стая туч твоих, по-волчьи лающих,
Словно стая злющих волков,
Всех зовущих и всех дерзающих
Прободала копьем клыков.*

*Твое солнце когтистыми лапами
Прокогтялось в душу, как нож.
На реках вавилонских мы плакали,
И кровавый мочил нас дождь.*

*Ныне ж бури воловьим голосом
Я кричу, сняв с Христа штаны:
Мойте руки свои и волосы
Из лоханки второй луны.*

*Говорю вам – вы все погибнете,
Всех задушит вас веры мох.
По-иному над нашей выгибью
Вспух незримой коровой бог.*

*И напрасно в пещеры селятся
Те, кому ненавистен рев.
Все равно – он иным отелится
Солнцем в наш русский кров.*

Все равно – он спалит телением,
Что ковало реке берега.
Разгвоздят мировое кипение
Золотые его рога.

Новый сойдет Олимпий
Начертать его новый лик.
Говорю вам – весь воздух выпью
И кометой вытяну язык.

До Египта раскорячу ноги,
Раскую с вас подковы мук...
В оба полюса снежнорогие
Вопьюся клещами рук.

Коленом придавлю экватор
И под бури и вихря плач
Пополам нашу землю-матерь
Разломлю, как золотой калач.

И в провал, отененный бездною,
Чтобы мир весь слышал тот
треск,
Я главу свою власозвездную
Просуну, как солнечный блеск.

И четыре солнца из облачья,
Как четыре бочки с горы,

*Золотые рассыпав обручи,
Скатясь, всколыхнут миры.*

3

*И тебе говорю, Америка,
Отколотая половина земли, —
Страшись по морям безверия
Железные пускать корабли!*

*Не отягивай чугунной радугой
Нив и гранитом – рек.
Только водью свободной Ладоги
Просверлит бытие человек!*

*Не вбивай руками синими
В пустошь потолок небес:
Не построить шляпками гвозди-
ными
Сияние далеких звезд.*

*Не залить огневого брожения
Лавой стальной руды.
Нового вознесения
Я оставлю на земле следы.*

*Пятками с облаков свесюсь,
Прокопытлю тучи, как лось;
Колесами солнце и месяц*

Надену на земную ось.

*Говорю тебе – не пой молебствия
Проволочным твоим лучам.
Не осветят они пришествия,
Бегущего овцой по горам!*

*Сыщется в тебе стрелок еще
Пустить в его грудь стрелу.
Словно полымя, с белой шерсти
его
Брызнет теплая кровь во мглу.*

*Звездами золотые копытца
Скатятся, взбороздив ночь.
И опять замелькает спицами
Над чулком ее черным дождь.*

*Возгремлю я тогда колесами
Солнца и луны, как гром;
Как пожар, размечу волосья
И лицо закрою крылом.*

*За уши встряхну я горы,
Копьями вытяну ковыль.
Все тыны твои, все заборы
Горстью смету, как пыль.*

И вспашу я черные щеки
Нив твоих новой сохой;
Золотой пролетит сорокой
Урожай над твоей страной.

Новый он сбросит жителям
Крыл колосистых звон.
И, как жерди золотые, вытянет
Солнце лучи на дол.

Новые вырастут сосны
На ладонях твоих полей.
И, как белки, желтые весны
Будут прыгать по сучьям дней.

Синие забрезжут реки,
Просверлив все преграды глыб.
И заря, опуская веки,
Будет звездных ловить в них рыб.

Говорю тебе – будет время,
Отплетут уста громов;
Прободят голубое темя
Колосья твоих хлебов.

И над миром с незримой лестни-
цы,
Оглашая поля и луг,

*Проклевавшись из сердца месяца,
Кукарекнув, взлетит петух.*

4

*По тучам иду, как по ниве, я,
Свесься головою вниз.
Слышу плеск голубого ливня
И светил тонноклювых свист.*

*В синих отражаюсь затонах
Далеких моих озер.
Вижу тебя, Инония,
С золотыми шапками гор.*

*Вижу нивы твои и хаты,
На крылечке старушку мать;
Пальцами луч заката
Старается она поймать.*

*Прищемит его у окошка,
Схватит на своем горбе, —
А солнышко, словно кошка,
Тянет клубок к себе.*

*И тихо под шепот речки,
Прибрежному эху в подол,
Каплями незримой свечки
Капает песня с гор:*

*«Слава в вышних Богу
И на земле мир!
Месяц синим рогом
Тучи прободил.*

*Кто-то вывел гуся
Из яйца звезды —
Светлого Иисуса
Проклевать следы.*

*Кто-то с новой верой,
Без креста и мук,
Натянул на небе
Радугу, как лук.*

*Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет.*

*Новый на кобыле
Едет к миру Спас.
Наша вера – в силе.
Наша правда – в нас!»*

Январь 1918

Иорданская голубица

*Земля моя золотая!
Осенний светлый храм!
Гусей крикливых стая
Несется к облакам.*

*То душ преображенных
Несчислимая рать,
С озер поднявшись сонных,
Летит в небесный сад.*

*А впереди их лебедь.
В глазах, как роца, грусть.
Не ты ль так плачешь в небе,
Отчалившая Русь?*

*Лети, лети, не бейся,
Всему есть час и брег.
Ветра стекают в песню,
А песня канет в век.*

2

*Небо – как колокол,
Месяц – язык,
Мать моя – родина,
Я – большевик.*

*Ради вселенского
Братства людей*

*Радуюсь песней я
Смерти твоей.*

*Крепкий и сильный,
На гибель твою
В колокол синий
Я месяцем бью.*

*Братья-миряне,
Вам моя песнь.
Слышу в тумане я
Светлую весть.*

3

*Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.
Снова зарею клубится
Мой луговой Иордань.*

*Славлю тебя, голубая,
Звездами вбитая высь.*

*Снова до отчего рая
Руки мои поднялись.*

*Вижу вас, злачные нивы,
С стадом буланых коней.
С дудкой пастушеской в ивах*

Бродит апостол Андрей.

*И, полная боли и гнева,
Там, на окраине села,
Мати пречистая дева
Розгой стегает осла.*

4

*Братья мои, люди, люди!
Все мы, все когда-нибудь
В тех благих селеньях будем,
Где протоптан Млечный Путь.*

*Не жалейте же ушедших,
Уходящих каждый час, —
Там на ландышах расцветших
Лучше, чем в полях у вас.*

*Страж любви – судьба-мздоимец
Счастье пестует не век.
Кто сегодня был любимец —
Завтра нищий человек.*

5

*О новый, новый, новый,
Прорезавший тучи день!
Отроком солнцеголовым
Сядь ты ко мне под плетень.*

Дай мне твои волосы
Гребнем луны расчесать.
Этим обычаем гостя
Мы научились встречать.

Древняя тень Маврикии
Родственна нашим холмам,
Дождиком в нивы златые
Нас посетил Авраам.

Сядь ты ко мне на крылечко,
Тихо склонись ко плечу.
Синюю звездочку свечкой
Я пред тобой засвечу.

Буду тебе я молиться,
Славить твою Иордань...
Вот она, вот голубица,
Севшая ветру на длань.

20—23 июня 1918
Константиново

Сорокоуст

А. Мариенгофу

1

*Трубит, трубит погибельный рог!
Как же быть, как же быть те-*

перь нам
На измызганных ляжках дорог?

Вы, любители песенных блох,
Не хотите ль.

Полно кротостью мордищ празд-
ниться,
Любо ль, не любо ль – знай бери.
Хорошо, когда сумерки дразнятся
И всыпают нам в толстые задни-
цы
Окровавленный веник зари.

Скоро заморозь известью выбе-
лит
Тот поселок и эти луга.
Никуда вам не скрыться от гibe-
ли,
Никуда не уйти от врага.

Вот он, вот он с железным брю-
хом,
Тянет к глоткам равнин пятер-
ню,
Водит старая мельница ухом,
Навострив мукомольный нюх,
И дворовый молчальник бык,

Что весь мозг свой на телок про-
лил,
Вытирая о прясло язык,
Почуял беду над полем.

2

Ах, не с того ли за селом
Так плачет жалостно гармони-
ка:
Таля-ля-ля, тили-ли-бом
Висит над белым подоконником.
И желтый ветер осенницы
Не потому ль, синь рябью тронув,
Как будто бы с коней скребницей,
Очесывает листья с кленов.
Идет, идет он, страшный вест-
ник,
Пятой громоздкой чащи ломит.
И все сильнее тоскуют песни
Под лягушиный писк в соломе.
О, электрический восход,
Ремней и труб глухая хватка,
Се изб древенчатый живот
Трясет стальная лихорадка!

3

Видели ли вы,
Как бежит по степям,

*В туманах озерных кроюсь,
Железной ноздрей храпя,
На лапах чугунных поезд?*

*А за ним
По большой траве,
Как на празднике отчаянных го-
нок,
Тонкие ноги закидывая к голове,
Скачет красногривый жеребенок?*

*Милый, милый, смешной дуралей,
Ну куда он, куда он гонится?
Неужель он не знает, что живых
коней
Победила стальная конница?
Неужель он не знает, что в полях
бессиянных
Той поры не вернет его бег,
Когда пару красивых степных рос-
сиянок
Отдавал за коня печенег?
По-иному судьба на торгах пере-
красила
Наш разбуженный скрежетом
плес,
И за тысячи пудов конской кожи и
мяса*

Покупают теперь паровоз.

4

Черт бы взял тебя, скверный
гость!

Наша песня с тобой не сживется.
Жаль, что в детстве тебя не при-
шло

Утопить, как ведро в колодце.
Хорошо им стоять и смотреть,
Красить рты в жестяных поцелу-
ях, —

Только мне, как псаломщику,
петь

Над родимой страной аллилуйя.
Оттого-то в сентябрьскую ск-
лень

На сухой и холодный суглинок,
Головой разможжась о плетень,
Облилась кровью ягод рябина.

Оттого-то выросла тужиль
В переборы тальянки звонкой.
И соломой пропахший мужик
Захлебнулся лихой самогонкой.

1920

Исповедь хулигана

Не каждый умеет петь,

*Не каждому дано яблоком
Падать к чужим ногам.*

*Сие есть самая великая исповедь,
Которой исповедуется хулиган.*

*Я нарочно иду нечесанным,
С головой, как керосиновая лампа,
на плечах.
Ваших душ безлиственную осень
Мне нравится в потемках освещать.
Мне нравится, когда каменья брани
Летят в меня, как град рыгающей
грозы,
Я только крепче жму тогда руками
Моих волос качнувшийся пузырь.*

*Так хорошо тогда мне вспоминать
Заросший пруд и хриплый звон
ольхи,
Что где-то у меня живут отец и
мать,
Которым наплевать на все мои
стихи,*

Которым дорог я, как поле и как
плоть,
Как дождик, что весной взрыхля-
ет зеленыя.
Они бы вилами пришли вас зако-
лоть
За каждый крик ваш, брошенный в
меня.

Бедные, бедные крестьяне!
Вы, наверно, стали некрасивыми,
Так же боитесь Бога и болотных
недр.
О, если б вы понимали,
Что сын ваш в России
Самый лучший поэт!
Вы ль за жизнь его сердцем не ин-
девели,
Когда босые ноги он в лужах осен-
них макал?
А теперь он ходит в цилиндре
И лакированных башмаках.

Но живет в нем задор прежней
вправки
Деревенского озорника.
Каждой корове с вывески мясной
лавки

Он кланяется издалека.
И, встречаясь с извозчиками на
площади,
Вспоминая запах навоза с родных
полей,
Он готов нести хвост каждой ло-
шади,
Как венчального платья шлейф.

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая
ржавь.

Приятны мне свиней испачканные
морды
И в тишине ночной звенящий го-
лос жаб.
Я нежно болен воспоминаньем
детства,
Апрельских вечеров мне снится
хмарь и сырь.
Как будто бы на корточки по-
греться
Присел наш клен перед костром
зари.

О, сколько я на нем яиц из гнезд

вороньих,
Карабкаясь по сучьям, воровал!
Все тот же ль он теперь, с вер-
хушкою зеленой?
По-прежнему ль крепка его кора?

А ты, любимый,
Верный пегий пес?!
От старости ты стал визглив и
слеп
И бродишь по двору, влача обвис-
ший хвост,
Забыв чутьем, где двери и где
хлев.
О, как мне дороги все те проказы,
Когда, у матери стянув краюху
хлеба,
Кусали мы с тобой ее по разу,
Ни капельки друг другом не погре-
бав.

Я всё такой же.
Сердцем я всё такой же.
Как васильки во ржи, цветут в ли-
це глаза.
Стеля стихов злаченные рогожи,
Мне хочется вам нежное сказать.

Спокойной ночи!
Всем вам спокойной ночи!
Отзвенела по траве сумерек зари
коса...
Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну.

Синий свет, свет такой синий!
В эту синь даже умереть не
жаль.
Ну так что ж, что кажусь я ци-
ником,
Прицепившим к заднице фонарь!
Старый, добрый, заезженный Пе-
гас,
Мне ль нужна твоя мягкая рысь?
Я пришел, как суровый мастер,
Воспеть и прославить крыс.
Башка моя, словно август,
Льется бурливых волос вином.

Я хочу быть желтым парусом
В ту страну, куда мы плывем.
Ноябрь 1920

Русь советская

А . Сахарову

Тот ураган прошел. Нас мало

уцелело.

На переключке дружбы многих
нет.

Я вновь вернулся в край осироте-
лый,

В котором не был восемь лет.

Кого позвать мне? С кем мне по-
делиться

Той грустной радостью, что я
остался жив?

Здесь даже мельница – бревенча-
тая птица

С крылом единственным – стоит,
глаза

смежив.

Я никому здесь не знаком,

А те, что помнили, давно забыли.

И там, где был когда-то отчий
дом,

Теперь лежит зола да слой до-
рожной пыли.

А жизнь кипит.

Вокруг меня снуют

И старые и молодые лица.

Но некому мне шляпой покло-

нитья,
Ни в чьих глазах не нахожу при-
ют.

И в голове моей проходят роем
думы:
Что родина?
Ужели это сны?
Ведь я почти для всех здесь пили-
грим
угрюмый
Бог весть с какой далекой сторо-
ны.

И это я!
Я, гражданин села,
Которое лишь тем и будет зна-
менито,
Что здесь когда-то баба родила
Российского скандального пиита.

Но голос мысли сердцу говорит:
«Опомнись! Чем же ты обижен?
Ведь это только новый свет го-
рит
Другого поколения у хижин.

Уже ты стал немного отцве-

мать,
Другие юноши поют другие песни.
Они, пожалуй, будут интересней

Уж не село, а вся земля им мать».

Ах, родина! Какой я стал смеш-
ной.
На щеки впалые летит сухой ру-
мянец.
Язык сограждан стал мне как чу-
жой,
В своей стране я словно иностра-
нец.

Вот вижу я:
Воскресные сельчане
У волости, как в церковь, собра-
лись.

Корявыми, немытыми речами
Они свою обсуживают «жись».

Уж вечер. Жидкой позолотой
Закат обрызгал серые поля.
И ноги босые, как телки под воро-
та,
Уткнули по канавам тополя.

Хромой красноармеец с ликом
сонным,
В воспоминаниях морщина лоб,
Рассказывает важно о Буденном,
О том, как красные отбили Пере-
коп.

«Уж мы его – и этак и раз-этак, —
Буржуя этого... которого... в
Крыму...»
И клены морщатся ушами длин-
ных веток,
И бабы охают в немую полутьму.

С горы идет крестьянский комсо-
мол,
И под гармонику, наяривая рьяно,
Поют агитки Бедного Демьяна,
Веселым криком оглашая дол.

Вот так страна!
Какого ж я рожна
Орал в стихах, что я с народом
дружен?
Моя поэзия здесь больше не нуж-
на,
Да и, пожалуй, сам я тоже здесь
не нужен.

Ну что ж!
Прости, родной приют.
Чем сослужил тебе – и тем уж я
доволен.
Пускай меня сегодня не поют —
Я пел тогда, когда был край мой
болен.

Приемлю всё.
Как есть всё принимаю.
Готов идти по выбитым следам.
Отдам всю душу октябрю и маю,
Но только лиры милой не отдам.

Я не отдам ее в чужие руки,
Ни матери, ни другу, ни жене.
Лишь только мне она свои вверя-
ла звуки
И песни нежные лишь только пе-
ла мне.

Цветите, юные! И здоровейте те-
лом!
У нас иная жизнь, у вас другой на-
пев.
А я пойду один к неведомым пре-
делам,
Душой бунтующей навеки присми-

рев.

*Но и тогда,
Когда на всей планете
Пройдет вражда племен,
Исчезнет ложь и грусть, —
Я буду воспевать
Всем существом в поэте
Шестую часть земли
С названьем кратким «Русь».*

1924

Письмо к женщине

*Вы помните,
Вы всё, конечно, помните,
Как я стоял,
Приблизившись к стене,
Взволнованно ходили вы по ком-
нате
И что-то резкое
В лицо бросали мне.*

*Вы говорили:
Нам пора расстаться,
Что вас измучила
Моя шальная жизнь,
Что вам пора за дело принимать-
ся,*

А мой удел —
Катиться дальше, вниз.

Любимая!
Меня вы не любили.
Не знали вы, что в сонмище люд-
ском
Я был, как лошадь, загнанная в
мыле,
Пришпоренная смелым ездоком.

Не знали вы,
Что я в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь, что не пойму
—
Куда несет нас рок событий.

Лицом к лицу
Лица не увидать.
Большое видится на расстоянье.
Когда кипит морская гладь,
Корабль в плачевном состоянье.

Земля – корабль!
Но кто-то вдруг
За новой жизнью, новой славой
В прямую гушу бурь и вьюг

Ее направил величаво.

*Ну кто ж из нас на палубе больш-
шой
Не падал, не блевал и не ругался?
Их мало, с опытной душой,
Кто крепким в качке оставался.*

*Тогда и я,
Под дикий шум,
Но зрело знающий работу,
Спустился в корабельный трюм,
Чтоб не смотреть людскую рво-
ту.*

*Тот трюм был —
Русским кабаком.
И я склонился над стаканом,
Чтоб, не страдая ни о ком,
Себя сгубить
В угаре пьяном.*

*Любимая!
Я мучил вас,
У вас была тоска
В глазах усталых:
Что я пред вами напоказ
Себя растрачивал в скандалах.*

Но вы не знали,
Что в сплошном дыму,
В развороченном бурей быте
С того и мучаюсь,
Что не пойму,
Куда несет нас рок событий...

.....

Теперь года прошли.
Я в возрасте ином.
И чувствую и мыслю по-иному.
И говорю за праздничным вином:
Хвала и слава рулевому!

Сегодня я
В ударе нежных чувств.
Я вспомнил вашу грустную уста-
лость.
И вот теперь
Я сообщить вам мчусь,
Каков я был
И что со мною случилось!

Любимая!
Сказать приятно мне:
Я избежал паденья с кручи.
Теперь в Советской стороне
Я самый яростный попутчик.

Я стал не тем,
Кем был тогда.
Не мучил бы я вас,
Как это было раньше.
За знамя вольности
И светлого труда
Готов идти хоть до Ла-Манша.

Простите мне...
Я знаю: вы не та —
Живете вы
С серьезным, умным мужем;
Что не нужна вам наша маета,
И сам я вам
Ни капельки не нужен.

Живите так,
Как вас ведет звезда,
Под кущей обновленной сени.
С приветствием,
Вас помнящий всегда
Знакомый ваш
Сергей Есенин.

1924

Письмо от матери

Чего же мне
Еще теперь придумать,

О чем теперь
Еще мне написать?
Передо мной
На столике угрюмом
Лежит письмо,
Что мне прислала мать.

Она мне пишет:
«Если можешь ты,
То приезжай, голубчик,
К нам на святки.
Купи мне шаль,
Отцу купи порты,
У нас в дому
Большие недостатки.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Стара я стала
И совсем плоха,
Но если б дома
Был ты изначально,

То у меня
Была б теперь сноха
И на ноге
Внучонка я качала.

Но ты детей
По свету растерял,
Свою жену
Легко отдал другому,
И без семьи, без дружбы,
Без причал
Ты с головой
Ушел в кабацкий омут.

Любимый сын мой,
Что с тобой?
Ты был так кроток,
Был так смиренен,
И говорили все наперебой:
Какой счастливый
Александр Есенин!

В тебе надежды наши
Не сбылись,
И на душе
С того больней и горше,
Что у отца
Была напрасной мысль,

Чтоб за стихи
Ты денег брал побольше.

Хоть сколько б ты
Ни брал,
Ты не пошлешь их в дом,
И потому так горько
Речи льются,
Что знаю я
На опыте твоём:
Поэтам деньги не даются.

Мне страх не нравится,
Что ты поэт,
Что ты сдружился
С славою плохую.
Гораздо лучше б
С малых лет
Ходил ты в поле за сохою.

Теперь сплошная грусть,
Живем мы, как во тьме.
У нас нет лошади.
Но если б был ты в доме,
То было б всё,
И при твоём уме —
Пост председателя
В волисполкоме.

Тогда б жилось смелей,
Никто б нас не тянул,
И ты б не знал
Ненужную усталость,
Я б заставляла
Прясть
Твою жену,
А ты, как сын,
Покоил нашу старость».

.....

Я комкаю письмо,
Я погружаюсь в жуть.
Ужель нет выхода
В моем пути заветном?
Но всё, что думаю,
Я после расскажу.
Я расскажу
В письме ответном...

1924

Ответ

Старушка милая,
Живи, как ты живешь.
Я нежно чувствую
Твою любовь и память.
Но только ты
Ни капли не поймешь —

Чем я живу
И чем я в мире занят.

Теперь у вас зима.
И лунными ночами,
Я знаю, ты
Помыслишь не одна,
Как будто кто
Черемуху качает
И осыпает
Снегом у окна.

Родимая!
Ну как заснуть в метель?
В трубе так жалобно
И так протяжно стонет.
Захочешь лечь,
Но видишь не постель,
А узкий гроб
И – что тебя хоронят.

Как будто тысяча
Гнусавейших дьячков,
Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга!
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом

Ни жены, ни друга!

Я более всего
Весну люблю.
Люблю разлив
Стремительным потоком,
Где каждой щепке,
Словно кораблю,
Такой простор,
Что не окинешь оком.

Но ту весну,
Которую люблю,
Я революцией великой
Называю!
И лишь о ней
Страдаю и скорблю,
Ее одну
Я жду и призываю!

Но эта пакость —
Хладная планета!
Ее и Солнцем-Лениным
Пока не растопить!
Вот потому
С больной душой поэта
Пошел скандалить я,
Озорничать и пить.

Но время будет,
Милая, родная!
Она придет, желанная пора!
Недаром мы
Присели у орудий:
Тот сел у пушки,
Этот – у пера.

Забудь про деньги ты,
Забудь про всё.
Какая гибель?!
Ты ли это, ты ли?
Ведь не корова я,
Не лошадь, не осел,
Чтобы меня
Из стойла выводили!

Я выйду сам,
Когда настанет срок,
Когда пальнуть
Придется по планете,
И, воротясь,
Тебе куплю платок,
Ну, а отцу
Куплю я штуки эти.

Пока ж – идет метель,
И тысячей дьячков

*Поет она плакидой —
Сволочь-вьюга.
И снег ложится
Вроде пяточков,
И нет за гробом
Ни жены, ни друга.*

1924

Поэмы

Пугачев

Анатолию Мариенгофу

1. Появление Пугачева в яицком городке

Пугачев

Ох, как устал и как болит нога!..

Ржет дорога в жуткое пространство.

*Ты ли, ты ли, разбойный Чаган,
Приют дикарей и оборванцев?*

*Мне нравится степей твоих медь
И пропахшая солью почва.*

*Луна, как желтый медведь,
В мокрой траве ворочается.*

Наконец-то я здесь, здесь!

Рать врагов цепью волн распалась,

*Не удалось им на осиновый шест
Водрузить головы моей парус.*

Яик, Яик, ты меня звал

Стоном придавленной черни.
Пучились в сердце жабыи глаза
Грустящей в закат деревни.
Только знаю я, что эти избы —
Деревянные колокола,
Голос их ветер хмарью съел.

О, помоги же, степная мгла,
Грозно свершить мой замысел!

Сторож

Кто ты, странник? Что бродишь
долом?
Что тревожишь ты ночи гладь?
Отчего, словно яблоко тяжелое,
Виснет с шеи твоя голова?

Пугачев

В солончаковое ваше место
Я пришел из далеких стран, —
Посмотреть на золото телесное,
На родное золото славян.
Слушай, отче! Расскажи мне нежно,
Как живет здесь мудрый наш мужик?
Так же ль он в полях своих прилежно

Цедит молоко соломенное ржи?
Так же ль здесь, сломав зари за-
стенки,
Гонится овес на водопой рысцой,
И на грядках, от капусты пенных,
Челноки ныряют огурцов?
Так же ль мирен труд домохозя-
ек,
Слышен прялки ровный разговор?

Сторож

Нет, прохожий! С этой жизнью
Яик
Раздружился с самых давних пор.

С первых дней, как оборвались
вожжи,
С первых дней, как умер третий
Петр,
Над капустой, над овсом, над ро-
жьёю
Мы задаром проливаем пот.

Нашу рыбу, соль и рынок,
Чем сей край богат и рьян,
Отдала Екатерина
Под надзор своих дворян.

*И теперь по всем окраинам
Стонет Русь от цепких лапщ.
Воском жалоб сердце Каина
К состраданью не окапишь.*

*Всех связали, всех вневолили,
С голоду хоть жри железо.
И течет заря над полем
С горла неба перерезанного.*

Пугачев

*Невеселое ваше житье!
Но скажи мне, скажи,
Неужель в народе нет суровой
хватки
Вытащить из сапогов ножи
И всадить их в барские лопатки?*

Сторож

*Видел ли ты,
Как коса в лугу скачет,
Ртом железным перекусывая но-
ги трав?
Оттого что стоит трава на ко-
рячках,
Под себя коренья подобрал.
И никуда ей, траве, не скрыться
От горячих зубов косы,*

Потому что не может она, как
птица,
Оторваться от земли в синь.
Так и мы! Вросли ногами крови в
избы,
Что нам первый ряд подкошенной
травы?
Только лишь до нас не добрались
бы,
Только нам бы,
Только б нашей
Не скосили, как ромашке, головы.

Но теперь как будто пробудились,
И березами заплаканный наш
тракт
Окружает, как туман от сыр-
ости,
Имя мертвого Петра.

Пугачев

Как Петра? Что ты сказал, ста-
рик?

.....

Иль это взвыли в небе облака?

Сторож

Я говорю, что скоро грозный крик,

*Который избы, словно жаб, вла-
кал,
Сильней громов раскатится над
нами.
Уже мятеж вздымает паруса.
Нам нужен тот, кто б первый
бросил
камень.*

Пугачев

Какая мысль!

Сторож

О чем вздыхаешь ты?

Пугачев

*Я положил себе зарок молчать до
срока.*

.....

*Клещи рассвета в небесах
Из пасти темноты
Выдергивают звезды, словно зубы,
А мне еще нигде вздремнуть не
удалось.*

Сторож

*Я мог бы предложить тебе
Тюфяк свой грубый,*

Но у меня в доме всего одна кро-
вать,
И четверо на ней спит ребячи-
шек.

Пугачев

*Благодарю! Я в этом граде гость.
Дадут приют мне под любую
крышей.
Прощай, старик!*

Сторож

*Храни тебя Господь!
.....
.....
Русь, Русь! И сколько их таких,
Как в решето просеивающих
плоть,
Из края в край в твоих просторах
шляется?
Чей голос их зовет,
Вложив светильником им посох в
пальцы?
Идут они, идут! Зеленый славя
гул,
Купая тело в ветре и в пыли,
Как будто кто сослал их всех на
каторгу*

*Вертеть ногами
Сей шар земли.*

*Но что я вижу?
Колокол луны скатился ниже,
Он, словно яблоко увянувшее, мал.
Благовест лучей его стал глух.*

*Уж на нашесте громко заиграл
В куриную гармонику петух.*

2. Бегство Калмыков

Первый голос

*Послушайте, послушайте, по-
слушайте,
Вам не снился тележный свист?
Нынче ночью на заре жидкой
Тридцать тысяч калмыцких ки-
биток
От Самары проползло на Иргис.
От российской чиновничьей нево-
ли,
Оттого что, как куропаток, их
щипали
На наших лугах,
Потянулись они в свою Монголию
Стадом деревянных черепах.*

Второй голос

Только мы, только мы лишь мед-
лим,
Словно страшен нам захлестнув-
ший нас
шквал,
Оттого-то шлет нам каждую
неделю
Приказы свои Москва.
Оттого-то, куда бы ни шел ты,
Видишь, как под усмирителей меч
Прыгают кошками желтыми
Казацкие головы с плеч.

Кирпичников

Внимание! Внимание! Внимание!
Не будьте ж трусливы, как овцы,
Сюда едут на страшное дело вас
сманивать
Траубенберг и Тамбовцев.

Казаки

К черту! К черту предателей!

.....

Тамбовцев

Сми-рно-о!
Сотники казачьих отрядов,
Готовьтесь в поход!

Нынче ночью, как дикие звери,
Калмыки всем скопом орд
Изменили Российской империи
И угнали с собой весь скот.
Потопленную лодку месяца
Чаган выплескивает на берег дня.
Кто любит свое отечество,
Тот должен слушать меня.
Нет, мы не можем, мы не мо-
жем,
мы не можем
Допустить сей ущерб стране.
Россия лишилась мяса и кожи,
Россия лишилась лучших коней.
Так бросимтесь же в погоню
На эту монгольскую мразь,
Пока она всеми ладонями
Китаю не предалась.

Кирпичников

Стой, атаман, довольно
Об ветер язык чесать.
За Россию нам, конечно, больно,
Оттого что нам Россия – мать.

Но мы ничуть, мы ничуть не ис-
пугались,
Что кто-то покинул наши поля,

*И калмык нам не желтый заяц,
В которого можно, как в пищу,
стрелять.*

*Он ушел, этот смуглый монго-
лец,
Дай же Бог ему добрый путь,
Хорошо, что от наших околиц
Он без боли сумел повернуть.*

Траубенберг

Что это значит?

Кирпичников

*Это значит то,
Что, если б
Наши избы были на колесах,
Мы впрягли бы в них своих коней
И гужом с солончаковых плесов
Потянулись в золото степей.
Наши б кони, длинно выгнув шею,
Стадом черных лебедей
По водам ржи
Понесли нас, буйно хорошея,
В новый край, чтоб новой жизнью
жить.*

Казаки

Замучили! Загрызли, прохвосты!

Тамбовцев

*Казаки! Вы целовали крест!
Вы клялись...*

Кирпичников

*Мы клялись, мы клялись Екатерине
Быть оплотом степных границ,
Защищать эти пастбища синие
От налета разбойных птиц.
Но скажите, скажите, скажите,
Разве эти птицы не вы?
Наших пашен суровых житель
Не найдет, где прикрыть головы.*

Траубенберг

*Это измена!..
Связать его! Связать!*

Кирпичников

*Казаки, час настал!
Приветствую тебя, мятеж свирепый!
Что не могли в словах сказать
уста,
Пусть пулями расскажут писто-
леты.*

(Стреляет.)

Траубенберг падает мертвым. Конвойные разбегаются. Казаки хватают лошадь Тамбовцева под уздцы и стаскивают его на землю.

Голоса

Смерть! Смерть тирану!

Тамбовцев

О Господи! Ну что я сделал?

Первый голос

*Мучил, злодей, три года,
Три года, как коршун белый,
Ни проезда не давал, ни прохода.*

Второй голос

*Откушай похлебки метелицы.
Отгулял, отстегал и отхвастал.*

Третий голос

Черта ли с ним канителиться?

Четвертый голос

Повесить его – и баста!

Кирпичников

Пусть знает, пусть слышит
Москва —
На расправы ее мы взбыхтрим.
Это только лишь первый раскат,
Это только лишь первый вы-
стрел.
Пусть помнит Екатерина,
Что если Россия – пруд,
То черными лягушками в тину
Пушки мечут стальную икру.
Пусть носится над страной,
Что казак не ветла на прогоне
И в луны мешок травяной
Он башку незадаром сронит.

3. Осенней ночью

Караваев

Тысячу чертей, тысячу ведьм
и тысячу
дьяволов!
Экий дождь! Экий скверный
дождь!
Скверный, скверный!

Словно вонючая моча волов
Льется с туч на поля и деревни.
Скверный дождь!

Экий скверный дождь!

*Как скелеты тощих журавлей,
Стоят ошипанные вербы,
Плавя ребер медь.*

*Уж золотые яйца листьев на зем-
ле*

*Им деревянным брюхом не со-
греть,*

*Не вывести птенцов – зеленых
вербеныт,*

*По горлу их скользнул сентябрь,
как нож.*

*И кости крыл ломает на щебняк
Осенний дождь.*

Холодный, скверный дождь.

О, осень, осень!

Голые кусты,

Как оборванцы, мокнут у дорог.

*В такую непогодь собаки, сжав
хвосты,*

*Боятся головы просунуть за по-
рог,*

А тут вот стой, хоть сгинь,

Но тьму глазами ешь,

*Чтоб не пробрался вражеский ла-
зутчик.*

*Проклятый дождь!
Расправу за мятеж
Напоминают мне рыгающие тучи.*

*Скорей бы, скорей в побег, в побег
От этих кровью выдоенных
стран.*

*С объятьями нас принимает всех
С Екатериною воюющий султан.
Уже стекается придушенная
чернь*

*С озиркой, словно полевые мыши.
О солнце-колокол, твое тили-ли-день,
Быть может, здесь мы больше не
услышим!*

*Но что там? Кажется, шаги?
Шаги... Шаги...
Эй, кто идет? Кто там идет?*

Пугачев

Свой... свой...

Караваев

Кто свой?

Пугачев

Я, Емельян.

Караваев

*А, Емельян, Емельян, Емельян!
Что нового в этом мире, Емельян?
Как тебе нравится этот дождь?*

Пугачев

*Этот дождь на счастье Богом дан,
Нам на руку, чтоб он хлестал всю ночь.*

Караваев

*Да, да! Я тоже так думаю, Емельян.
Славный дождь! Замечательный дождь!*

Пугачев

*Нынче вечером, в темноте скрываясь,
Я правительственные посты осмотрел.
Все часовые попрятались, как зайцы,
Боясь замочить шинели.*

Знаешь? Эта ночь, если только
мы выступим,
Не кровью, а зарею окрасила б на-
ши ножи,
Всех бы солдат без единого вы-
стрела
В сонном Яике мы могли уло-
жить...

Завтра ж к утру будет ясная по-
года,
Сивым табуном проскачет
хмарь.
Слушай, ведь я из простого рода
И сердцем такой же степной ди-
карь!
Я умею, на сутки и версты не
трогаясь,
Слушать бег ветра и твари шаг,
Оттого что в груди у меня, как в
берлоге,
Ворочается зверенышем теплым
душа.

Мне нравится запах травы, холо-
дом
подожженной,
И сентябрьского листоleta про-

тяжкий свист,
Знаешь ли ты, что осенью медве-
жонок
Смотрит на луну,
Как на вьющийся в ветре лист?
По луне его учит мать
Мудрости своей звериной,
Чтобы смог он, дурашливый,
знать
И призванье свое и имя.
.....
Я значенье мое разгадал...

Караваев

Тебе ж не даром верят?

Пугачев

*Долгие, долгие тяжкие года
Я учил в себе разуму зверя...
Знаешь? Люди ведь все со звериной
душой, —
Тот медведь, тот лиса, та волчи-
ца,
А жизнь – это лес большой,
Где заря красным всадником
мчится.
Нужно крепкие, крепкие иметь
клыки.*

Караваев

Да, да! Я тоже так думаю, Емельян...
И если б они у нас были,
То московские полки
Нас не бросали, как рыб, в Чаган.
Они б побоялись нас жать
И карать так легко и просто
За то, что в чаду мятежа
Убили мы двух прохвостов.

Пугачев

Бедные, бедные мятежники,
Вы цвели и шумели, как рожь.
Ваши головы колосьями нежными
Раскачивал июльский дождь.
Вы улыбались тварям...
.....
Послушай, да ведь это ж позор,
Чтоб мы этим поганым харям
Не смогли отомстить до сих пор?
Разве это когда прощается,
Чтоб с престола какая-то б...
Протягивала солдат, как пальцы,
Непокорную чернь умерщвлять!
Нет, не могу, не могу!

*К черту султана с туретчиной,
Только на радость врагу
Этот побег опрометчивый.
Нужно остаться здесь!
Нужно остаться, остаться,
Чтобы вскипела месть
Золотою пургой акаций,
Чтоб пролились ножи
Железными струями люто!*

*Слушай! Бросай сторожить,
Беги и буди весь хутор.*

4. Происшествие на таловом умёте

Оболяев

*Что случилось? Что случи-
лось?
Что случилось?*

Пугачев

*Ничего страшного. Ничего
страшного.
Ничего страшного.
Там на улице жолклая сырость
Гонит туман, как стада бараш-
ковые.*

Мокрою цаплей по лужам полей

бороздя,
Ветер заставил всё живое,
Как жаб по их гнездам, скрыться,
И только порою,
Привязанная к нитке дождя,
Черным крестом в воздухе
Проболтнется шальная птица.
Это осень, как старый оборван-
ный монах,
Пророчит кому-то о погибели ве-
ще.

.....
Послушайте, для наших благ
Я придумал кой-что похлеще.

Караваев

Да, да! Мы придумали кой-что по-
хлеще.

Пугачев

Знаете ли вы,
Что по черни ныряет весть,
Как по гребням волн лодка с парусом
низким?
По-звериному любит мужик наш
на корточки сесть
И сосать эту весть, как коровьи

большие
сиськи.

От песков Джигильды до Алаты-
ря
Эта весть о том,
Что какой-то жестокий пово-
дырь
Мертвую тень императора
Ведет на российскую ширь.

Эта тень с веревкой на шее безмя-
сой,
Отвалившуюся челюсть теребя,
Скрипящими ногами приплясы-
вая.
Идет отомстить за себя.
Идет отомстить Екатерине,
Подымая руку, как желтый кол,
За то, что она с сообщниками
своими,
Разбив белый кувшин
Головы его,
Взошла на престол.

Оболяев

Это только веселая басня!
Ты, конечно, не за этим пришел,

Чтоб рассказать ее нам?

Пугачев

*Напрасно, напрасно, напрасно
Ты так думаешь, брат Степан.*

Караваев

Да, да! По-моему, тоже напрасно.

Пугачев

*Разве важно, разве важно, разве
важно,
Что мертвые не встанут из мо-
гил?
Но зато кой-где почву безвлаж-
ную
Этот слух словно плугом взрыл.
Уже слышится благовест бунтов,
Рев крестьян оглашает зенит,
И кустов деревянный табун
Безлиственной ковкой звенит.
Что ей Петр? – Злой и дикой ора-
ве? —
Только камень желанного случая,
Чтобы колья погромные правили
Над теми, кто грабил и мучил.
Каждый платит за лепту леп-
тою,*

Местъ щенками кровавыми щенится.

Кто же скажет, что это свирепствуют

Бродяги и отщепенцы?

Это буйствуют россияне!

Я ж хочу научить их под хохот сабель

Обтянуть тот зловещий скелет парусами

И пустить его по безводным степям,

Как корабль.

А за ним

По курганам синим

Мы живых голов двинем бурливый флот.

.....

.....

Послушайте! Для всех отныне
Я – император Петр!

Казаки

Как император?

Оболяев

Он с ума сошел!

Пугачев

Ха-ха-ха!
Вас испугал могильщик,
Который, череп разложив как горшок,
Варит из медных монет щи,
Чтоб похлебать в черный срок.
Я стращать мертвецом вас не стану,
Но должны ж вы, должны понять,
Что этим кладбищенским планом
Мы подыдем монгольскую рать!
Нам мало того простолюдства,
Которое в нашем краю,
Пусть калмык и башкирец бьются
За бараньи костры средь юрт!

Зарубин

Это верно, это верно, это верно!
Кой нам черт умышлять побег?
Лучше здесь всем им головы скверные
Обломать, как колеса с телег.
Будем крыть их ножами и матом,

Кто без сабли – так бей кирпичом!

*Да здоровствует наш император,
Емельян Иванович Пугачев!*

Пугачев

*Нет, нет, я для всех теперь
Не Емельян, а Петр...*

Караваев

Да, да, не Емельян, а Петр...

Пугачев

*Братья, братья, ведь каждый
зверь
Любит шкуру свою и имя...
Тяжко, тяжело моей голове
Опушать себя чуждым инаем.
Трудно сердцу светильником ме-
сти
Освещать корявые чащи.*

*Знайте, в мертвое имя влезть —
То же, что в гроб смердящий.*

*Больно, больно мне быть Пет-
ром,
Когда кровь и душа Емельянова.*

Человек в этом мире не бревенчатый дом,
Не всегда перестроишь наново...
Но... к черту всё это, к черту!
Прочь жалость телячьих нег!

Нынче ночью в половине четвертого
Мы устроить должны набег.

5. Уральский каторжник

Хлопуша

Сумасшедшая, бешеная кровавая муть!
Что ты? Смерть? Иль исцеленье калекам?
Проведите, проведите меня к нему,
Я хочу видеть этого человека.
Я три дня и три ночи искал ваш умёт,
Тучи с севера сыпались каменной грудой.
Слава ему! Пусть он даже не Петр!
Чернь его любит за буйство и удаль.
Я три дня и три ночи блуждал по

тропам.
В солонце рыл глазами удачу,
Ветер волосы мои, как солому,
трепал
И цепами дождя обмолачивал.

Но озлобленное сердце никогда
не заблудится,
Эту голову с шеи сшибить нелегко.

Оренбургская заря красношерстной
верблюдицей
Рассветное роняла мне в рот молоко.
И холодное корявое вымя сквозь
тьму
Прижимал я, как хлеб, к истощенным
векам.
Проведите, проведите меня к
нему,
Я хочу видеть этого человека.

Зарубин

Кто ты? Кто? Мы не знаем тебя!
Что тебе нужно в нашем лагере?
Отчего глаза твои,

Как два цепных кобеля,
Беспокойно ворочаются в соленой
влаге?
Что пришел ты ему сообщить?
Злое ль, доброе ль светится из па-
сти вспурга?
Прорубились ли в Азию бунтовщи-
ки?
Иль, как зайцы, бегут от Оренбур-
га?

Хлопуша

Где он? Где? Неужель его нет?
Тяжелее, чем камни, я нес мою
душу.

Ах, давно, знать, забыли в этой
стране
Про отчаянного негодяя и жули-
ка Хлопушу.
Смейся, человек!
В ваш хмурый стан
Посылаются замечательные раз-
ведчики.
Был я каторжник и арестант,
Был убийца и фальшивомонет-
чик.

Но всегда ведь, всегда ведь, рано
ли, поздно ли,
Расставляет расплата капканы
терний.
Заковали в колодки и вырвали
ноздри
Сыну крестьянина Тверской губер-
нии.
Десять лет —
Понимаешь ли ты, десять лет? —
То острожничал я, то бродяжил.
Это теплое мясо носил скелет
На общипку, как пух лебяжий.

Черта ль с того, что хотелось
мне жить?
Что жестокостью сердце устало
хмуриться?
Ах, дорогой мой,
Для помещика мужик —
Все равно что овца, что курица.
Ежедневно молясь на зари жел-
тый гроб,
Кандалы я сосал голубыми рука-
ми...
Вдруг... три ночи назад... губерна-
тор Рейнсдорп,
Как сорвавшийся лист,

Взлетел ко мне в камеру...

«Слушай, каторжник!

(Так он сказал.)

Лишь тебе одному поверю я.

*Там в ковыльных просторах ре-
вет гроза,*

От которой дрожит вся империя,

*Там какой-то пройдоха, мошен-
ник и вор*

*Вздумал вздыбить Россию ордой
грабителей,*

И дворянские головы сечет топор

—

Как березовые купола

В лесной обители.

*Ты, конечно, сумеешь всадить в
него нож?*

*(Так он сказал, так он сказал
мне.)*

*Вот за эту услугу ты свободу най-
дешь*

*И в карманах зазвякает серебро, а
не камни».*

*Уж три ночи, три ночи, пробива-
ясь сквозь*

тьму,

Я ищу его лагерь, и спросить мне

некого.

*Проведите ж, проведите меня к
нему,
Я хочу видеть этого человека!*

Зарубин

Странный гость.

Подуров

Подозрительный гость.

Зарубин

Как мы можем тебе довериться?

Подуров

*Их немало, немало, за червонцев
горсть
Готовых пронзить его сердце.*

Хлопуша

Ха-ха-ха!

Это очень неглупо.

Вы надежный и крепкий щит.

Только весь я до самого пупа —

*Местью вскормленный бунтов-
щик.*

*Каплет гноем смола прогорклая
Из разодранных ребер изб.*

*Завтра ж ночью я выбегу волком
Человеческое мясо грызть.
Все равно ведь, все равно ведь,
все равно ведь,
Не сожрешь так сожрут тебя ж,
Нужно вечно держать наготове
Эти руки для драки и краж.
Верьте мне!
Я пришел к вам как друг.
Сердце радо в пурге расколоться,
Оттого что без Хлопуши
Вам не взять Оренбург
Даже с сотней лихих полководцев.*

Зарубин

*Так открой нам, открой, открой
Тот план, что в тебе хоронится.*

Подуров

*Мы сейчас же, сейчас же пошлем
тебя в бой
Командиром над нашей конницей.*

Хлопуша

*Нет!
Хлопуша не станет биться.
У Хлопуши другая мысль.
Он хотел бы, чтоб гневные лица*

Вместе с злобой умом налились.
Вы бесстрашны, как хищные зве-
ри,
Грозен лязг ваших битв и побед,
Но ведь всё ж у вас нет артилле-
рии?
Но ведь всё ж у вас пороху нет?

Ах, в башке моей, словно в бочке,
Мозг, как спирт, хлебной едко-
стью лют.
Знаю я, за Сакмарой рабочие
Для помещиков пушки льют.

Там найдется и порох, и ядра,
И наводчиков зоркая рать,
Только надо сейчас же, не откла-
дывая,
Всех крестьян в том краю взбун-
товать,
Стыдно медлить здесь, стыдно
медлить,
Гнев рабов – не кобылий фырк...

Так давайте ж по липовой меду
Трахнем вместе к границам Уфы.

6. В стане Зарубина

Зарубин

Эй ты, люд честной да веселый,
Забубенная трын-трава!
Подружилась с твоими селами
Скуломордая татарва.
Свищут кони, как вихри, по полю,
Только взглянешь – и след про-
стыл.
Месяц, желтыми крыльями хло-
пая,
Раздирает, как ястреб, кусты.
Загляжусь я по ровной голи
В синью стынущие луга,
Не березовая ль то Монголия?
Не кибитки ль киргиз – стога?..

Слушай, люд честной, слушай,
слушай
Свой кочевнический пересвист!
Оренбург, осажденный Хлопушей,
Ест лягушек, мышей и крыс.
Треть страны уже в наших руках,
Треть страны мы как войско вы-
ставили.
Нынче ж в ночь потеряет враг
По Приволжью все склады и при-
стани.

Шигаев

Стоп, Зарубин!
Ты, наверное, не слышал.
Это видел не я...
Другие...
Многие...
Около Самары с пробитой башкой
ольха,
Капая желтым мозгом,
Прихрамывает при дороге.
Словно слепец, от ватаги своей
отстав,
С гнусавой и хриплой дрожью
В рваную шапку вороньего гнезда
Просит она на пропитанье
У проезжих и у прохожих.
Но никто ей не бросит даже кам-
ня.
В испуге крестясь на звезду,
Все считают, что это страшное
знамение,
Предвещающее беду.
Что-то будет.
Что-то должно случиться.
Говорят, наступит глад и мор,
По ту раз на лету будет склевы-
вать птица
Желудочное свое серебро.

Торнов

*Да-да-да!
Что-то будет!
Повсюду
Воют слухи, как псы у ворот,
Дует в души суровому люду
Ветер сырью и вонью болот.
Быть беде!
Быть великой потере!
Знать, не зря с луговой стороны
Луны лошадиный череп
Каплет золотом сгнившей слю-
ны.*

Зарубин

*Врете! Врете вы,
Нож вам в спины!
С детства я не видал в глаза,
Чтоб от такой чертовщины
Хуже бабы дрожал казак.*

Шигаев

*Не дрожим мы, ничуть не дро-
жим!
Наша кровь – не башкирские хля-
би.
Сам ты знаешь ведь, чьи ножи
Пробивали дорогу в Челябинск.*

Сам ты знаешь, кто брал Осу,
Кто разбил наголо Сарапуть.
Столько мух не сидело у тебя на
носу,
Сколько пуль в наши спины вцара-
пали.
В стужу ль, в сырость ли,
В ночь или днем —
Мы всегда наготове к бою,
И любой из нас больше дорожит
конем,
Чем разбойной своей головою.
Но кому-то грозитя, грозитя
беда,
И ее ль казаку не слышать?
Посмотри, вон сидит дымовая
труба,
Как наездник, верхом на крыше.
Вон другая, вон третья,
Не счесть их рыл
С залихватской тоской остоло-
пов,
И весь дикий табун деревянных
кобыл
Мчитя, пылью клубя, галопом.
Ну куда ж он? Зачем он?
Каких дорог
Оголтелые всадники ищут?

*Их стегают, стегают переполох
По стеклянным глазам кнутови-
щем.*

Зарубин

*Нет, нет, нет!
Ты не понял...
То слышится звань,
Звань к оружию под каждой окон-
ницей.
Знаю я, нынче ночью идет на Ка-
зань
Емельян со свирепой конницей.
Сам вчера, от восторга едва ды-
ша,
За горой в предрассветной мгле
Видел я, как тянулись за Черем-
шан
С артиллерией тыщи телег.
Как торжественно с хрипом ко-
лесным обоз
По дорожным камням грохотал.
Рев верблюдов сливался с бляени-
ем коз
И с гортанною речью татар.*

Торнов

Что ж, мы верим, мы верим,

Быть может,
Как ты мыслишь, всё так и есть;
Голос гнева, с бедою схожий,
Нас сзывает на страшную месть.
Дай Бог!
Дай Бог, чтоб так и случилось.

Зарубин

Верьте, верьте!
Я вам клянусь!
Не беда, а неожиданная радость
Упадет на мужицкую Русь.
Вот взвенел, словно сабли о панцири,
Синий сумрак над ширью равнин.
Даже рощи —
И те повстанцами
Подымают хоругви рябин.
Зреет, зреет веселая сеча.
Взвоят в небо кровавый туман.
Гулом ядер и свистом картечи
Будет завтра их крыть Емельян.
И чтоб бунт наш гремел безысходней,
Чтоб вконец не сосала тоска, —
Я сегодня ж пошлю вас, сегодня,
На подмогу его войскам.

7. Ветер качает рожь

Что это? Как это? Неужель
мы разбиты?
Сумрак голодной волчицей выбе-
жал кровь
зари лакать.
О, эта ночь! Как могильные пли-
ты,
По небу тянутся каменные обла-
ка.
Выйдешь в поле, зовешь, зовешь,
Кличешь старую рать, что легла
под Сарептой,
И глядишь и не видишь – то ли зы-
бится
рожь,
То ли желтые полчища пляшу-
щих скелетов.
Нет, это не август, когда осыпа-
ются овсы,
Когда ветер по полям их коло-
тит дубинкой
грубой.
Мертвые, мертвые, посмотрите,
кругом
мертвецы,
Вон они хохочут, выплевывая
сгнившие зубы.

Сорок тысяч нас было, сорок тысяч,
И все сорок тысяч за Волгой легли,
как один.
Даже дождь так не смог бы траву
иль солому высечь,
Как осыпали саблями головы наши
они.

Что это? Как это? Куда мы бежим?
Сколько здесь нас в живых осталось?
От горящих деревень бьющий лапами
в небо
дым
Расстилает по земле наш позор
и усталость.
Лучше б было погибнуть нам там
и лечь,
Где кружит воронье беспокойным,
зловещим
свадьбищем,
Чем струить эти пальцы пятерками
пылающих
свеч,
Чем нести это тело с гробами
надежд, как

кладбище!

Бурнов

Нет! Ты не прав, ты не прав, ты
не прав!

Я сейчас чувством жизни, как ни-
когда, болен.

Мне хотелось бы, как мальчишке,
кувыркаться по золоту трав

И сшибать черных галок с кре-
стов голубых

колоколен.

Всё, что отдал я за свободу черни,

Я хотел бы вернуть и поверить
снова,

Что вот эту луну,

Как керосиновую лампу в час ве-
черний,

Зажигает фонарщик из города
Тамбова.

Я хотел бы поверить, что эти
звезды —

не звезды,

Что это – желтые бабочки, ле-
тящие

на лунное пламя...

Друг!..

Зачем же мне в душу ты ропо-

том слезным
Бросаешь, как в стекла часовни,
камнем?

Чумаков

Что жалеть тебе смрадную хо-
лодную душу —
Околевшего медвежонка в тесной
берлоге?
Знаешь ли ты, что в Оренбурге за-
резали
Хлопушу?
Знаешь ли ты, что Зарубин в Та-
бинском
остроге?
Наше войско разбито вконец Ми-
хельсоном,
Калмыки и башкиры удрали к
Аральску
в Азию.
Не с того ли так жалобно
Суслики в поле притоптанном
стонут,
Обрызгивая мертвые головы, как
кленовые
листья, грязью?
Гибель, гибель стучит по дерев-
ням

в колотушку.

Кто ж спасет нас? Кто даст нам
укрыться?

Посмотри! Там опять, там
опять за опушкой

В воздух крылья крестами броса-
ют

крикливые птицы.

Бурнов

Нет, нет, нет! Я совсем не хочу
умереть!

Эти птицы напрасно над нами
вьются.

Я хочу снова отроком, отряхая с
осинника

медь,

Подставляя ладони, как белые
скользкие

блюдца.

Как же смерть?

Разве мысль эта в сердце поме-
стится,

Когда в Пензенской губернии у ме-
ня есть

свой дом?

Жалко солнышко мне, жалко ме-
сяц,

Жалко тополь над низким окном.
Только для живых ведь благосло-
венны
Рощи, потоки, степи и зеленыя.
Слушай, плевать мне на всю все-
ленную,
Если завтра здесь не будет меня!
Я хочу жить, жить, жить,
Жить до страха и боли!
Хоть карманником, хоть золото-
ротцем,
Лишь бы видеть, как мыши от ра-
дости
прыгают в поле,
Лишь бы слышать, как лягушки
от восторга
поют в колодце.
Яблоневым цветом брызжется
душа моя
белая,
В синее пламя ветер глаза раздул.
Ради Бога, научите меня,
Научите меня, и я что угодно сде-
лаю,
Сделаю что угодно, чтоб звенеть
в человечесьем саду!

Творогов

Стойте! Стойте!
Если б знал я, что вы не трусли-
вы,
То могли б мы спастись без тру-
да.
Никому б не открыли наш заго-
вор
безъязыкие ивы,
Сохранила б молчанье одинокая в
небе звезда.
Не пугайтесь!
Не пугайтесь жестокого плана,
Это не тяжелее, чем хруст лома-
емых в теле
костей,
Я хочу предложить вам
Связать на заре Емельяна
И отдать его в руки грозящих
нам смертью
властей.

Чумаков

Как, Емельяна?

Бурнов

Нет! Нет! Нет!

Творогов

Хе-хе-хе!

Вы глупее, чем лошади!

Я уверен, что завтра ж,

Лишь золотом плюнет рассвет,

Вас развезят солдаты, как туш,

на какой-нибудь площади,

И дурак тот, дурак, кто жалеть
будет вас,

Оттого что сами себе вы придумали
тернии.

Только раз ведь живем мы, только
раз!

Только раз светит юность, как
месяц

в родной губернии.

Слушай, слушай, есть дом у тебя
на Суре,

Там в окно твое тополь стучит-
ся багряными

листьями,

Словно хочет сказать он хозяину
в хмурой

октябрьской поре,

Что изранила его осень холодны-
ми меткими

выстрелами.

Как же сможешь ты тополю по-
мочь?

Чем залечишь ты его деревянные
раны?

Вот такая же жизни осенняя гул-
кая ночь

Общипала, как тополь зубами до-
ждей,

Емельяна.

Знаю, знаю, весной, когда лает во-
да,

Тополь снова покроется мягкой
зеленой кожей.

Но уж старые листья на нем не
взойдут

никогда —

Их растащит зверье и потопчут
прохожие.

Что мне в том, что сумеет Еме-
льян скрыться

в Азию?

Что, набравши кочевников, мо-
жет снова

удариться в бой?

Все равно ведь и новые листья па-
дут

и покроются грязью.

Слушай, слушай, мы старые ли-

стья с тобой!

*Так чего ж нам качаться на го-
лых корявых
ветвях?*

*Лучше оторваться и броситься в
воздух*

кружиться,

*Чем лежать и струить золотое
гниенье в полях,*

*Чем глаза твои выключают черные
хищные
птицы.*

*Тот, кто хочет за мной, – в доб-
рый час!*

*Нам башка Емельяна – как челн
Потопающим в дикой реке.*

*Только раз ведь живем мы, толь-
ко раз!*

*Только раз славит юность, как
парус,
луну вдалеке.*

8. Конец Пугачева

Пугачев

*Вы с ума сошли! Вы с ума со-
шли!*

Вы с ума сошли!

Кто сказал вам, что мы уничтожены?

Злые рты, как с протухшею пищей
кошлы,

Зловонно рыгают бесстыдной ложью.

Трижды проклят тот трус, негодяй и злодей,

Кто сумел окормить вас такою дурью.

Нынче ж в ночь вы должны оседлать лошадей

И попасть до рассвета со мною в Гурьев.

Да, я знаю, я знаю, мы в страшной беде,

Но затем-то и злей над туманною вязью

Деревянными крыльями по каспийской воде

Наши лодки заплещут, как лебеди, в Азию.

О Азия, Азия! Голубая страна,
Обсыпанная солью, песком и известкой.

Там так медленно по небу едет луна,

Поскрипывая колесами, как кир-

гиз с повозкой.
Но зато кто бы знал, как бурливо
и гордо
Скачут там шерстожелтые гор-
ные реки?
Не с того ли так свищут мон-
гольские орды
Всем тем диким и злым, что си-
дит в человеке?

Уж давно я, давно я скрывал тос-
ку
Перебраться туда, к их кочую-
щим станам,
Чтоб разящими волнами их свер-
кающих скул
Стать к преддверьям России,
как тень Тамерлана.
Так какой же мошенник, про-
хвост и злодей
Окормил вас бесстыдной трусли-
вой дурью?
Нынче ж в ночь вы должны осед-
лать лошадей
И попасть до рассвета со мною в
Гурьев.

Крямин

О смешной, о смешной, о смешной
Емельян!

Ты всё такой же сумасбродный,
слепой

и вкрадчивый;

Расплескалась удаль твоя по по-
лям,

Не вскипеть тебе больше ни в ка-
кой азиатчине.

Знаем мы, знаем твой монголь-
ский народ,

Нам ли храбрость его неизвест-
на?

Кто же первый, кто первый, как
не этот сброд

Под Сакмарой ударился в бег-
ство?

Как всегда, как всегда, эта дикая
гнусь

Выбирала для жертвы самых сла-
бых и меньших,

Только б грабить и жечь ей погра-
ничную

Русь

Да привязывать к седлам добычей
женщин.

Ей всегда был приятней набег и
разбой,

Чем суровые походы с житейской
хмурью.

.....
Нет, мы больше не можем идти
за тобой,
Не хотим мы ни в Азию, ни на
Каспий,
ни в Гурьев.

Пугачев

Боже мой, что я слышу?
Казак, замолчи!
Я заткну твою глотку ножом
иль выстрелом...
Неужели и вправду отзвенели ме-
чи?
Неужель это плата за всё, что я
выстрадал?
Нет, нет, нет, не поверю, не мо-
жет быть!

Не на то вы возрастали в степных
станциях,
Никакие угрозы суровой судьбы
Не должны вас заставить сми-
риться.
Вы должны разжигать еще боль-
ше тот взвой,

*Когда ветер метелями с наших
стран дул...*

*Смело ж к Каспию! Смело за
мною!
Эй вы, сотники, слушать коман-
ду!*

Крямин

*Нет! Мы больше не слуги тебе!
Нас не взманит твое сумасбро-
дство.
Не хотим мы в ненужной и глупой
борьбе
Лечь, как толпы других, по пого-
стам.
Есть у сердца невзгоды и тайный
страх
От кровавых раздоров и стонов.
Мы хотели б, как прежде, в род-
ных хуторах
Слушать шум тополей и кленов.
Есть у нас роковая зацепка за
жизнь,
Что прочнее канатов и прово-
лок...
Не пора ли тебе, Емельян, сло-
жить*

Перед властью мятежную голову?!

*Все равно то, что было, назад не
вернешь,
Знать, недаром листвою октябрь
заплакал...*

Пугачев

*Как? Измена?
Измена?
Ха-ха-ха!..
Ну так что ж!
Получай же награду свою, собака!*

(Стреляет.)

*Крямин падает мертвым. Казаки с криком
обнажают сабли. Пугачев, отмахиваясь кин-
жалом, пятится к стене.*

Голоса

Вяжите его! Вяжите!

Творогов

*Бейте! Бейте прямо саблей в мор-
ду!*

Первый голос

Натерпелись мы этой прыти...

Второй голос

Тащите его за бороду...

Пугачев

*...Дорогие мои... Хор-рошие...
Что случилось? Что случилось?
Что случилось?*

Кто так страшно визжит и хохочет

*В придорожную грязь и сырость?
Кто хихикает там исподтишка,
Злобно отплевываясь от солнца?*

.....

...Ах, это осень!

*Это осень вытряхивает из мешка
Чеканенные сентябрем червонцы.
Да! Погиб я!*

Приходит час...

Мозг, как воск, каплет глухо, глухо...

...Это она!

*Это она подкупила вас,
Злая и подлая оборванная старуха.*

Это она, она, она,
Разметав свои волосы зарею зыб-
кой,
Хочет, чтоб сгибла родная стра-
на
Под ее невеселой холодной улыб-
кой.

Творогов

Ну, рехнулся... чего ж глазеть?
Вяжите!
Чай, не выбьет стены головою.
Слава Богу! конец его зверской рез-
не,
Конец его злобному волчьему вою.

Будет ярче гореть теперь осени
медь,
Мак зари черпаками ветров не вы-
хлестать.
Торопитесь же!
Нужно скорей поспеть
Передать его в руки правитель-
ства.

Пугачев

Где ж ты? Где ж ты, былая
мощь?

Хочешь встать – и рукою не можешь
двинуться!
Юность, юность! Как майская
ночь,
Отзвенела ты черемухой в степ-
ной провинции.
Вот всплывает, всплывает синь
ночная
над Доном,
Тянет мягкой гарью с сухих пере-
лесиц.
Золотою известкой над низень-
ким домом
Брызжет широкий и теплый ме-
сяц.
Где-то хрипло и нехотя кукарек-
нет петух,
В рваные ноздри пылью чихнет
околица,
И всё дальше, всё дальше, встрево-
живши
сонный луг,
Бежит колокольчик, пока за го-
рой
не расколется.
Боже мой!
Неужели пришла пора?

*Неужель под душой так же пада-
ешь,
как под ношей?
А казалось... казалось еще вчера...
Дорогие мои... дорогие... хор-ро-
шие...*

Март – август 1921

Страна негодяев

Драматическая поэма

Персонал

Комиссар из охраны железнодорожной ли-
нии – **Чекистов.**

Замарашкин – сочувствующий коммуни-
стам. Доброволец.

Бандит Номах.

Комиссары приисков – **Рассветов, Чарин,**
Лобок.

Комендант поезда.

Красноармейцы.

Рабочие.

Советский сыщик Литза-Хун.

Повстанец Барсук.

Повстанцы.

Милиционеры.

Часть первая На карауле

Снежная чаща. Железнодорожная будка
Уральской линии. **Чекистов**, охраняющий
линию, ходит с одного конца в другой.

Чекистов

*Ну и ночь! Что за ночь!
Черт бы взял эту ночь
С б..... холодом
И такой темнотой,
С тем, что нужно без устали
Бельма перить.*

.....

*Стой!
Кто идет?
Отвечай!..
А не то
Мой наган разmozжит твой че-
реп!
Стой, холера тебе в живот.*

Замарашкин

*Тише... тише...
Легче бранись, Чекистов!
От ругательств твоих
Даже у будки краснеют стены.*

*И с чего это, брат мой,
Ты так неистов?
Это ж... я... Замарашкин...
Иду на смену...*

Чекистов

*Черт с тобой, что ты Замарашкин!
Я ведь не собака,
Чтоб слышать носом.*

Замарашкин

*Ох, и зол же ты, брат мой!..
Аж до печенок страшно...
Я уверен, что ты страдаешь
Кровавым поносом...*

Чекистов

*Ну конечно, страдаю!..
От этой проклятой селедки
Может вконец развалиться брюхо.
О!
Если б теперь... рюмку водки...
Я бы даже не выпил...
А так...
Понюхал...*

.....

Знаешь? Когда эту селедку берешь
За хвост,
То думаешь,
Что вся она набита рисом...
Разломаешь,
Глядь:
Черви... Черви...
Жирные белые черви...
Дьявол нас, зная, занес
К этой грязной мордве
И вонючим черемисам!

Замарашкин

Что ж делать,
Когда выпал такой нам год?
Скверный год! Отвратительный
год!
Это еще ничего...
Там... За Самарой... Я слышал...
Люди едят друг друга...
Такой выпал нам год!
Скверный год!
Отвратительный год!
И к тому же еще чертова вьюга.

Чекистов

Мать твою в эт-твою!
Ветер, как сумасшедший мель-

ник,
Крутит жерновами облаков
День и ночь...
День и ночь...
А народ ваш сидит, бездельник,
И не хочет себе ж помочь.
Нет бездарней и лицемерней,
Чем ваш русский равнинный му-
жик!
Коль живет он в Рязанской губер-
нии,
Так о Тульской не хочет тужить.
То ли дело Европа?
Там тебе не вот эти хаты,
Которым, как глупым курам,
Головы нужно давно под топор...

Замарашкин

Слушай, Чекистов!..
С каких это пор
Ты стал иностранец?
Я знаю, что ты еврей,
Фамилия твоя Лейбман,
И черт с тобой, что ты жил
За границей...
Все равно в Могилеве твой дом.

Чекистов

Ха-ха!
Нет, Замарашкин!
Я гражданин из Веймара
И приехал сюда не как еврей,
А как обладающий даром
Укрощать дураков и зверей.
Я ругаюсь и буду упорно
Проклинать вас хоть тысячи
лет,
Потому что...
Потому что хочу в уборную,
А уборных в России нет.
Странный и смешной вы народ!
Жили весь век свой нищими
И строили храмы Божие...
Да я б их давным-давно
Перестроил в места отхожие.
Ха-ха!
Что скажешь, Замарашкин?
Ну?
Или тебе обидно,
Что ругают твою страну?
Бедный! Бедный Замарашкин...

Замарашкин

Черт-те что ты городишь, Чеки-
стов!

Чекистов

Мне нравится околёсина.
Видишь ли... я в жизни
Был бедней церковного мыша
И глодал вместо хлеба камни.
Но у меня была душа,
Которая хотела быть Гамле-
том.
Глупая душа, Замарашкин!
Ха-ха!
А когда я немного подрос,
Я увидел...

Слышатся шаги.

Тише... Помолчи, голубчик...
Кажется... кто-то... кажется...
Черт бы взял этого мерзавца Но-
маха
И всю эту банду повстанцев!
Я уверен, что нынче ночью
Ты заснешь, как плаха,
А он опять остановит поезд
И разграбит станцию.

Замарашкин

Я думаю, этой ночью он не при-
дет.
Нынче от холода в воздухе
Дохла птицы.

Для конницы нынче
Дорога скользка, как лед,
А с пехотой прийти
Он и сам побоится.
Нет! этой ночью он не придет!
Будь спокоен, Чекистов!
Это просто с мороза проскрипело
дерево...

Чекистов

Хорошо! Я спокоен. Сейчас уйду.
Продрог до костей от волчьей
стужи.
А в казарме сегодня,
Как на беду,
Из прогнившей картошки
Холодный ужин.
Эх ты, Гамлет, Гамлет!
Ха-ха, Замарашкин!..
Прощай!
Карауль в оба!..

Замарашкин

Хорошего аппетита!
Спокойной ночи!

Чекистов

Мать твою в эт-твою!

(Уходит.)

Ссора из-за фонаря

Некоторое время **Замарашкин** расхаживает около будки один. Потом неожиданно подносит руку к губам и издает в два пальца осторожный свист. Из чащи, одетый в русский полушубок и в шапку-ушанку, выскакивает **Номах**.

Номах

Что говорил тебе этот коммунист?

Замарашкин

Слушай, Номах! Оставь это дело. Они за тебя по-настоящему взяли. Как бы не на столбе Очутилось твое тело.

Номах

*Ну так что ж!
Для ворон будет пища.*

Замарашкин

Но ты должен щадить других.

Номах

Что другие?
Свора голодных нищих.
Им все равно...
В этом мире немытом
Душу человеческую
Ухорашивают рублем,
И если преступно здесь быть бан-
дитом,
То не более преступно,
Чем быть королем...
Я слышал, как этот прохвост
Говорил тебе о Гамлете.
Что он в нем смыслит?
Гамлет восстал против лжи,
В которой варился королевский
двор.
Но если б теперь он жил,
То был бы бандит и вор.
Потому что человеческая жизнь
Это тоже двор,
Если не королевский, то скотный.

Замарашкин

Помнишь, мы зубрили в школе?
«Слова, слова, слова...»
Впрочем, я вас обоих
Слушаю неохотно.
У меня есть своя голова.

*Я только всему свидетель,
В тебе ж люблю старого друга.
В час несчастья с тобой на свете
Моя помощь к твоим услугам.*

Номах

*Со мною несчастье всегда.
Мне нравятся жулики и воры.
Мне нравятся груди,
От гнева спертые.
Люди устраивают договоры,
А я посылаю их к черту.
Кто смеет мне быть правите-
лем?
Пусть те, кому дорог хлеб,
Называются гражданами и жи-
телями
И жиреют в паршивом тепле.
Это все твари тленные!
Предмет для навозных куч!
А я – гражданин вселенной,
Я живу, как я сам хочу!*

Замарашкин

*Слушай, Номах... Я знаю,
Быть может, ты дьявольски
прав,
Но все ж... Я тебе желаю*

*Хоть немного смирить свой нрав.
Подумай... Не завтра, так после...
Не после... Так после опять...
Слова ведь мои не кости,
Их можно легко прожевать.
Ты понимаешь, Номах?*

Номах

*Ты думаешь, меня это страшит?
Я знаю мою игру.
Мне здесь на все наплевать.
Я теперь вконец отказался от
многого,
И в особенности от государства,
Как от мысли праздной,
Оттого что постиг я,
Что все это договор,
Договор зверей окраски разной.
Люди обычай чтут как науку,
Да только какой же в том смысл
и прок,
Если многие громко сморкаются
в руку,
А другие обязательно в носовой
платок.
Мне до дьявола противны
И те и эти.
Я потерял равновесие...*

*И знаю сам —
Конечно, меня подвесят
Когда-нибудь к небесам.
Ну так что ж!
Это еще лучше!
Там можно прикуривать о звез-
ды...
Но...
Главное не в этом.*

*Сегодня проходит экспресс,
В 2 ночи —
46 мест.
Красноармейцы и рабочие.
Золото в слитках.*

Замарашкин

Ради Бога, меня не впутывай!

Номах

Ты дашь фонарь?

Замарашкин

Какой фонарь?

Номах

Красный.

Замарашкин

Этого не будет!

Номах

Будет хуже.

Замарашкин

Чем хуже?

Номах

Я разберу рельсы.

Замарашкин

*Номах! Ты подлец!
Ты хочешь меня под расстрел...
Ты хочешь, чтоб трибунал...*

Номах

*Не беспокойся! Ты будешь цел.
Я 200 повстанцев сюда пригнал.
Коль боишься расстрела,
Бежим со мной.*

Замарашкин

*Я? С тобой?
Да ты спятил с ума!*

Номах

*В голове твоей бродит
Непроглядная тьма.*

*Я думал – ты смел,
Я думал – ты горд,
А ты только лишь лакей
Узаконенных держиморд.
Ну так что ж!
У меня есть выход другой,
Он не хуже...*

Замарашкин

*Я не был никогда слугой.
Служит тот, кто трус.
Я не пленник в моей стране,
Ты меня не заманишь к себе.
Уходи! Уходи!
Уходи, ради дружбы.*

Номах

Ты, как сука, скулишь при луне...

Замарашкин

*Уходи! Не заставь скорбеть...
Мы ведь товарищи старые...
Уходи, говорю тебе...*

(Трясет винтовкой.)

*А не то вот на этой гитаре
Я сыграю тебе разлуку.*

Номах
(смеясь)

*Слушай, защитник коммунуны,
Ты, пожалуй, этой гитарой
Оторвешь себе руку.
Спрячь-ка ее, бесструнную,
Чтоб не охрипла на холоде.
Я и сам ведь сонату лунную
Умею играть на кольте.*

Замарашкин

*Ну и играй, пожалуйста.
Только не здесь!
Нам такие музыканты не нужны.*

Номах

*Все вы носите овечьи шкуры,
И мясник пасет для вас ножи.
Все вы стадо!
Стадо! Стадо!
Неужели ты не видишь? Не пой-
мешь,*

*Что такого равенства не надо?
Ваше равенство – обман и ложь.
Старая гнусавая шарманка
Этот мир идейных дел и слов.
Для глупцов – хорошая приманка,
Подлецам – порядочный улов.
Дай фонарь!*

Замарашкин

Иди ты к черту!

Номах

*Тогда не гневайся,
Пускай тебя не обижает
Другой мой план.*

Замарашкин

Ни один план твой не пройдет.

Номах

Ну, это мы еще увидим...

.....

Послушай, я тебе скажу:

Коль я хочу,

Так, значит, надо.

Ведь я башкой моей не дорожу

И за грабеж не требую награды.

Все, что возьму,

*Я все отдам другим.
Мне нравится игра,
Ни слава и ни злато.
Приятно мне под небом голубым
Утешить бедного и вшивого со-
брата.
Дай фонарь!*

Замарашкин

Отступись, Номах!

Номах

*Я хочу сделать для бедных празд-
ник.*

Замарашкин

Они сделают его сами.

Номах

Они сделают его через 1000 лет.

Замарашкин

И то хорошо.

Номах

А я сделаю его сегодня.

.....

Бросается на Замарашкина и давит его за горло. Замарашкин падает. Номах завязывает ему рот платком и скручивает веревками руки и ноги. Некоторое время он смотрит на лежащего, потом идет в будку и выходит оттуда с зажженным красным фонарем.

Часть вторая **Экспресс № 5**

Салон-вагон. В вагоне страшно накурено. Едут комиссары и рабочие. Ведут спор.

Рассветов

Чем больше гляжу я на снежную ширь,
Тем думаю все упорнее.
Черт возьми!
Да ведь наша Сибирь
Богаче, чем желтая Калифорния.
С этими запасами руды
Нам не страшна никакая
Мировая блокада.
Только работай! Только трудись!
И в республике будет,
Что кому надо.
Можно ль представить,
Что в месяц один
Открыли пять золотоносных

жил.

В Америке это было бы сенсацией,
На бирже стоял бы рев.

Маклера бы скупали акции,

Выдавая 1 пуд за 6 пудов.

Я работал в клондайкских приис-
ках,

Где один нью-йоркский туз

За 3 миллиона без всякого риска

12½ положил в картуз.

А дело все было под шепот,

Просто биржевой трюк,

Но многие, денежки вхлопав,

Остались почти без брюк.

О! эти американцы...

Они – неунчтожимая моль.

Сегодня он в оборванцах,

А завтра золотой король.

Так было и здесь...

Самый простой прощелыга,

Из индианских мест,

Жил, по-козлиному прыгал

И вдруг в богачи пролез.

Я помню все штуки эти.

Мы жили в ночлежках с ним.

Он звал меня мистер Развети.

А я его – мистер Джим.

«Послушай, – сказал он, – please[1],
Ведь это не написано в брамах,
Чтобы без whisky и miss
Мы валялись с тобою в ямах.
У меня в животе лягушки
Завелись от голодных дум.
Я хочу хорошо кушать
И носить хороший костюм.
Есть одна у меня затея,
И если ты не болван,
То без всяких словес, не потея,
Согласишься на этот план.
Нам нечего очень стараться,
Чтоб расходовать жизненный
сок.
Я знаю двух-трех мерзавцев,
У которых золотой песок.
Они нам отыщут банкира
(т. е. мерзавцы эти),
И мы будем королями мира...
Ты понял, мистер Развети?»
«Открой мне секрет, Джим!» —
Сказал я ему в ответ,
А он мне сквозь трубочный дым
Пробулькал:
«Секретов нет!
Мы просто возьмем два ружья,
Зарядим золотым песком

И будем туда стрелять,
Куда нам укажет Том».
(А Том этот был рудокоп —
Мошенник, каких поискать.)
И вот мы однажды тайком
В Клондайке.
Нас целая рать...
И по приказу, даденному
Под браунинги в висок,
Мы в четыре горы громадины
Золотой стреляли песок,
Как будто в слонов лежащих,
Чтоб достать дорогую кость.
И громом гремела в чащах
Ружей одичалая злость.
Наш предводитель живо
Шлет телеграмму потом:
«Открыли золотую жилу.
Приезжайте немедленно.
Том».
А дело было под шепот,
Просто биржевой трюк...
Но многие, денежки вхлопав,
Остались почти без брюк.

Чарин

Послушай, Рассветов! и что же,
Тебя не смутил обман?

Рассветов

*Не все ли равно,
К какой рожке
Капиталы текут в карман.
Мне противны и те и эти.
Все они —
Класс грабительских банд.
Но должен же, друг мой, на свете
Жить Рассветов Никандр.*

Голос из группы

Правильно!

Другой голос

Конечно, правильно!

Третий голос

*С паршивой овцы хоть шерсти
Человеку рабочему клок.*

Чарин

*Значит, по этой версии
Подлость подчас не порок?*

Первый голос

*Ну конечно, в собачьем стане,
С философией жадных собак,*

Защищать лишь себя не станет
Тот, кто навек дурак.

Рассветов

Дело, друзья, не в этом.
Мой рассказ вскрывает секрет.
Можно сказать перед всем светом,
Что в Америке золота нет.
Там есть соль,
Там есть нефть и уголь,
И железной много руды.
Кладовискателей вьюга
Замела золотые следы.
Калифорния – это мечта
Всех пропойц и неумных бродяг.
Тот, кто глуп или мыслить устал,
Прозябает в ее краях.
Эти люди – гнилая рыба.
Вся Америка – жадная пасть,
Но Россия: вот это глыба...
Лишь бы только Советская
власть!..
Мы, конечно, во многом отстали.
Материк наш:
Лес, степь да вода.
Из железобетона и стали

Там настроены города.
Вместо наших глухих раздолгий
Там, на каждой почти полосе,
Перерезано рельсами поле
С цепью каменных рек – шоссе.
И по каменным рекам без пыли,
И по рельсам без стопа шпал
И экспрессы и автомобили
От разбега в бензинном мыле
Мчат, секундой считая доллар,
Места нет здесь мечтам и химерам,
Отшумела тех лет пора.
Всё курьеры, курьеры, курьеры,
Маклера, маклера, маклера.
От еврея и до китайца
Прходимеу и джентельмен,
Все в единой графе считаются
Одинаково – *business men*[2],
На цилиндры, шапо и кепи
Дождик акций свистит и льет.
Вот где вам мировые цепи,
Вот где вам мировое жулье.
Если хочешь здесь душу выржать,
То сочтут: или глуп, или пьян.
Вот она – мировая биржа!
Вот они – подлецы всех стран.

Да, Рассветов! но все же, однако,
Ведь и золота мы хотим.
И у нас биржевая клоака
Расстилает свой едкий дым.
Никому ведь не станет в новинки,
Что в кремлевские буфера
Уцепились когтями с Ильинки
Маклера, маклера, маклера...
И в ответ партийной команде,
За налоги на крестьянский труд,
По стране свищет банда на банде,
Волю власти считая за кнут.
И кого упрекнуть нам можно?
Кто сумеет закрыть окно,
Чтоб не видеть, как свора
острожная
И крестьянство так любят Мах-
но?
Потому что мы очень строги,
А на строгость ту зол народ,
У нас портят железные дороги,
Гибнут озими, падает скот.
Люди с голоду бросились в бег-
ство,
Кто в Сибирь, а кто в Туркестан,
И оскалилось людоедство
На сплошной недород у крестьян.
Их озлобили наши поборы,

И, считая весь мир за бедлам,
Они думают, что мы воры
Иль поблажку даем вора́м.
Потому им и любви бандиты,
Что всосали в себя их гнев.
Нужно прямо сказать, открыто,
Что республика наша – bluff[3],
Мы не лучшее, друг мой, дерьмо.

Рассветов

Нет, дорогой мой!
Я вижу, у вас
Нет понимания масс.
Ну кому же из нас не известно
То, что ясно как день для всех.
Вся Россия – пустое место.
Вся Россия – лишь ветер да снег.
Этот отзыв ни резкий, ни черст-
вый.
Знают все, что до наших лбов
Мужики караулили версты
Вместо пегих дорожных столбов.
Здесь все дохли в холере и оспе.
Не страна, а сплошной бивуак.
Для одних – золотые россыпи,
Для других – непроглядный мрак.
И кому же из нас незнакомо,
Как на теле паршивый прыщ,

Тысчи лет из бревна да соломы
Строят здания наших жилищ,
10 тысяч в длину государство,
В ширину окло верст тысяч 3-х.
Здесь одно лишь нужно лекарство
—

Сеть шоссе и железных дорог.
Вместо дерева нужен камень,
Черепица, бетон и жесть.
Города создаются руками,
Как поступками – слава и честь.
Подождите!

Лишь только клизму
Мы поставим стальную стране,
Вот тогда и конец бандитизму,
Вот тогда и конец резне.

Слышатся тревожные свистки паровоза.
Поезд замедляет ход. Все вскакивают.

Рассветов

Что такое?

Лобок

Тревога!

Первый голос

Тревога!

Рассветов

Позовите коменданта!

Комендант
(вбегая)

Я здесь.

Рассветов

Что случилось?

Комендант

Красный фонарь...

Рассветов

(смотрит в окно)

Гм... да... я вижу...

Лобок

*Дьявольская метель...
Вероятно, занос.*

Комендант

Сейчас узнаем...

*Поезд останавливается. Комендант выбе-
гает.*

Рассветов

*Это не станция и не разъезд,
Просто маленькая железнодоро-
рожная будка.*

Лобок

*Мне говорили, что часто здесь
Поезда прозябают по целым сут-
кам.*

Ну, а еще я слышал...

Чарин

Что слышал?

Лобок

Что здесь немного шалят.

Рассветов

Глупости...

Лобок

Для кого как.

Входит комендант.

Рассветов

Ну?

Комендант

*Здесь стрелочник и часовой
Говорят, что отсюда за ½ версты
Сбита рельса.*

Рассветов

Надо поправить.

Комендант

*Часовой говорит, что до станции
По другой ветке верст 8.
Можно съездить туда
И захватить мастеров.*

Рассветов

Отцепляйте паровоз и поезжайте.

Комендант

Это дело 30-ти минут.

*Уходит. **Рассветов** и другие остаются, погруженные в молчание.*

После 30-ти минут

Красноармеец
(вбегая в салон-вагон)

Несчастье! Несчастье!

Все

(вперебой)

*Что такое?..
Что случилось?..
Что такое?..*

Красноармеец

*Комендант убит.
Вагон взорван.
Золото ограблено.
Я ранен.
Несчастье! Несчастье!*

*Вбегает **рабочий**.*

Рабочий

*Товарищи! Мы обмануты!
Стрелочник и часовой
Лежат здесь в будке.
Они связаны.
Это провокация бандитов.*

Рассветов

*За каким вы дьяволом
Увезли с собой вагон?*

Красноармеец

*Комендант послушался стрелоч-
ника...*

Рассветов

Мертвый болван!

Красноармеец

*Лишь только мы завернули
На этот... другой путь,
Часовой сразу 2 пули
Всадил коменданту в грудь.
Потом выстрелил в меня.
Я упал...
Потом он громко свистнул,
И вдруг, как из-под земли,
Сугробы взрывая,
Нас окружили в приступ
Около двухсот негодяев.
Машинисту связали руки,
В рот запихали платок.
Потом я услышал стуки
И взрыв, где лежал песок.*

*Метель завывала чертом.
В плече моем нить и течь.
Я притворился мертвым
И понял, что надо бечь.*

Лобок

*Я знаю этого парня,
Что орудует в этих краях.*

Он, кажется, родом с Украины
И кличку носит Номах.

Рассветов

Номах?

Лобок

Да. Номах.

Вбегает второй красноармеец.

2-й красноармеец

*Рельсы в полном порядке!
Так что, выходит, обман...*

Рассветов

(хватаясь за голову)

*И у него не хватило догадки!..
Мертвый болван!
Мертвый болван!*

Часть третья
О чем говорили на вокзале Н в
следующий день

Замарашкин

(один около стола с телефоном)

*Если б я не был обижен,
Я, может быть, и не сказал,*

*Но теперь я отчетливо вижу,
Что он плюнул мне прямо в глаза.*

*Входят **Рассветов, Лобок и Чекистов.***

Лобок

*Я же говорил, что это место
Считалось опасным всегда.
Уже с прошлого года
Стало известно,
Что он со всей бандой перебрался
сюда.*

Рассветов

*Что мне из того, что ты знал?
Узнай, где теперь он.*

Чекистов

*Ты, Замарашкин, идиот!
Я будто предчувствовал.*

Рассветов

*Бросьте вы, к черту, ругаться —
Это теперь не помога.
Нам нужно одно:
Дознаться,
По каким они скрылись дорогам.*

Чекистов

Метель замела все следы.

Замарашкин

*Пустяки, мы следы отыщем.
Не будем ставить громоздко
Вопрос, где лежат пути.
Я знаю из нашего розыска
Ищейку, каких не найти.
Это шанхайский китаец,
Он коммунист и притом,
Под видом бродяги слоняясь,
Знает здесь каждый притон.*

Рассветов

Это, пожалуй, дело.

Лобок

*Как зовут китайца?
Уж не Литза ли Хун?*

Замарашкин

Он самый!

Лобок

*О, про него много говорят теперь.
Тогда Номах в наших лапах.*

Рассветов

*Но, я думаю... Номах
Тоже не из тетерь...*

Замарашкин

Он чует самый тонкий запах.

Рассветов

*Потом ведь нам очень важно
Поймать его не пустым...
Нам нужно вернуть покражу...
Но золото, может, не с ним...*

Замарашкин

*Золото, конечно, не при нем.
Но при слежке вернем и пропажу.
Нужно всех их забрать живьем...
Под кнутом они сами расскажут.*

Рассветов

Что же: звоните в розыск.

Замарашкин

(подходя к телефону)

43 – 78

Алло:

43 – 78?

Приволжский городок

Тайный притон с паролем «Авдотья, подними подол». **2 тайных посетителя.** Кабатчица, судомойка и подавица.

Кабатчица

Спирт самый чистый, самый настоящий!

Сама бы пила, да деньги надо.

Милости просим.

Заглядывайте почаще.

Хоть утром, хоть в полночь —

Я всегда вам рада.

*Входят **Номах, Барсук** и еще **2 повстанца**.
Номах в пальто и шляпе.*

Барсук

Привет тетке Дуне!

Кабатчица

Мое вам почтение, молодые люди.

1-й повстанец

*Дай-ка и нам по баночке клюнуть.
С перезябу-то легче, пожалуй, будет.*

*Садятся за стол около горячей печки.
Кабатчица*

*Сейчас, мои дорогие!
Сейчас, мои хорошие!*

Номах

*Холод зверский. Но... все-таки
Я люблю наши русские вьюги.*

Барсук

*Мне все равно. Что вьюга, что
дождь...
У этой тетки
Спирт такой,
Что лучше во всей округе не най-
дешь.*

1-й повстанец

*Я не люблю вьюг,
Зато с удовольствием выпью.*

*Когда крутит снег,
Мне кажется,
На птичьем дворе гусей щиплют.
Вкус у меня раздражительный,
Аппетит, можно сказать, непри-
личный,*

*А потому я хотел бы положи-
тельно
Говядины или птичины.*

Кабатчица

*Сейчас, мои желанные...
Сейчас, сейчас...*

(Ставит спирт и закуску.)

Номах

(тихо к кабатчице)

*Что за люди... сидят здесь...
окол?..*

Кабатчица

*Свои, голубчик,
Свои, мой сокол.
Люди не простого рода,
Знатные-с, сударь,
Я знаю их 2 года.
Посетители – первый класс,
Каких нынче мало.*

*У меня уж набит глаз
В оценке материала.
Люди ловкой игры.
Оба – спецы по винам.*

Торгуют из-под полы
И спиртом и кокаином.
Не беспокойтесь! У них
Язык на полке.
Их ищут самих
Красные волки.
Это дворяне,
Щербатов и Платов.

Посетители начинают разговаривать.
Щербатов

Авдотья Петровна!
Вы бы нам на гитаре
Вальс
«Невозвратное время».

Платов

Или эту... ту, что вчера...

(напевает)

«Все, что было,
Все, что мило,
Все давным-давно
Уплы-ло...»
Эх, Авдотья Петровна!
Авдотья Петровна!
Кабы нам назад лет 8,
Старую Русь,

*Старую жизнь,
Старые зимы,
Старую осень.*

Барсук

Ишь чего хочет, сволочь!

1-й повстанец

М-да-с...

Щербатов

Невозвратное время! Невозвратное время!

Пью за Русь!

Пью за прекрасную

Прошедшую Русь.

Разве нынче народ пошел?

Разве племя?

Подлец на подлеце

И на трусе трус.

Отцвело навсегда

То, что было в стране благородно.

Золотые года!

Ах, Авдотья Петровна!

Сыграйте, Авдотья Петровна,

Вальс,

Сыграйте нам вальс

«Невозвратное время».

Кабатчица

*Да, родимые, да, сердешные!
Это не жизнь, а сплошное безоб-
разие.*

*Я ведь тоже была
Дворянка здешняя
И училась в первой
Городской гимназии.*

Платов

*Спойте! Спойте, Авдотья Петров-
на!*

Спойте: «Все, что было».

Кабатчица

*Обождите, голубчики,
Дайте с посудой справиться.*

Щербатов

Пожалуйста. Пожалуйста!

Платов

Пожалуйста, Авдотья Петровна!

*Через кухонные двери появляется китаец.
Китаец*

Ниет Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.
Шанго курил,
Диеньги дыавал,
Сыам лиубил,
Есылы б не сытрадал.
Куришь, колица виюца,
А хыто пыривык,
Зыабыл ливарюца,
Зыабыл большевик,
Ниет, Амиэрика,
Ниет Евыропе.
Опий, опий,
Сыамый лыучий опий.

Щербатов

Эй, ходя! Давай 2 трубки.

Китаец

Диеньги пирёт.
Хыодя очень бедыный.
Тывой шибко живет,
Мой очень быледный.

Подавщица

Куришь на кухню.

Щербатов

На кухню так на кухню.

*(Покачиваясь, идет с Платовым на кухню.
Китаец за ними.)*

Номах

*Ну и народец здесь.
О всех веревка плачет.*

Барсук

М-да-с...

1-й повстанец

*Если так говорить,
То, значит,
В том числе и о нас.*

Барсук

*Разве ты себя считаешь негодя-
ем?*

1-й повстанец

*Я не считаю,
Но нас считают.*

2-й повстанец

Считала лисица

Ворон на дереве.

К столику подходит подавщица.

Подавщица

Сегодня в газете...

Номах

Что в газете?

Подавщица

(тихо)

*Пишут, что вы разгромили поезд,
Убили коменданта и красноар-
мейца.*

*За вами отправились в поиски.
Говорят, что поймать надеются.
Обещано 1000 червонцев.*

*С описанием ваших примет:
Блондин.*

Среднего роста.

28-ми лет.

(Отходит.)

Номах

Ха-ха!

Замарашкин не выдержал.

Барсук

*Я говорил, что его нужно было
Прикончить, и дело с концом.
Тогда б ни одно рыло
Не знало,
Кто справился с мертвецом.*

Номах

*Ты слишком кровожаден.
Если б я видел,
То и этих двоих
Не позволил убить...
Зачем?
Ведь так просто
Связать руки
И в рот платок.*

Барсук

*Нет! Это не так уж просто.
В живом остается протест.
Молчат только те – на погостах,
На ком крепкий камень и крест.
Мертвый не укусит носа,
А живой...*

Номах

Кончим об этом.

1-й повстанец

Два вопроса...

Номах

Каких?

1-й повстанец

*Куда деть слитки?
И куда нам?*

Номах

*Я сегодня в 12 в Киев.
Паспорт у меня есть.
Вас не знают, кто вы такие,
Потому оставайтесь здесь...
Телеграммой я дам вам знать,
Где я буду...
В какие минуты...
Обязательно тыщ 25
На песок закупить валюты.
Пусть они поумерят прыть —
Мы мозгами немного побольше...*

Барсук

Остальные зарыть?

Номах

*Часть возьму я с собой,
Остальное пока зарыть...*

После можно отправить в Польшу.

*У меня созревает мысль
О российском перевороте,
Лишь бы только мы крепко со-
шлись,
Как до этого, в нашей работе.
Я не целюсь играть короля
И в правители тоже не лезу,
Но мне хочется погулять
И под порохом, и под железом.
Мне хочется вызвать тех,
Что на Марксе жиреют, как янки.
Мы посмотрим их храбрость и
смех,
Когда двинутся наши танки.*

Барсук

Замечательный план!

1-й повстанец

Мы всегда готовы.

2-й повстанец

Я как-то отвык без войны.

Барсук

Мы все по ней скучаем.

Стало тошно до чертиков
Под юбкой сидеть у жены
И живот напузыривать чаем.
Денег нет, чтоб пойти в кабак,
Сердце ж спиртику часто хочет.
Я от скуки стал нюхать табак —
Хоть немного в носу щекочет.

Номах

Ну, а теперь пора.
До 12 четверть часа.

(Бросает на стол два золотых.)

Барсук

Может быть, проводить?

Номах

Ни в коем случае.
Я выйду один.

(Быстро прощается и уходит.)

Из кухни появляется **китаец** и неторопливо выходит вслед за ним. Опьяневшие посетители садятся на свои места. Барсук берет шапку, кивает товарищам на китайца и выходит тоже.

Щербатов

*Слушай, Платов!
Я совсем ничего не чувствую.*

Платов

Это виноват кокаин.

Щербатов

*Нет, это не кокаин.
Я, брат, не пьян.
Я всего лишь одну понюшку.
По-моему, этот китаец
Жулик и шарлатан!
Ну и народ пошел!
Ну и племя!
Ах, Авдотья Петровна!
Сыграйте нам, Авдотья Петров-
на, вальс...
Сыграйте нам вальс
«Невозвратное время».*

(Тычетя носом в стол. Платов тоже.)

*Повстанцы молча продолжают пить. Ка-
батчица входит с гитарой. Садится у стой-
ки и начинает настраивать.*

Часть четвертая На вокзале N

Р*ассветов и Замарашкин. Вбегает Чеки-
стов.*

Чекистов

*Есть! Есть! Есть
Замарашкин, ты не брехун!
Вот телеграмма:
«Я Киев. Золото здесь.
Нужен ли арест.
Литза-Хун».*

(Передает телеграмму Рассветову.)

Рассветов

*Все это очень хорошо,
Но что нужно ему ответить?*

Чекистов

*Как что?
Конечно, взять на цугундер!*

Рассветов

*В этом мало радости —
Уничтожить одного,
Когда на свободе
Будет 200 других.*

Чекистов

*Других мы поймаем потом.
С другими успеем после...
Они ходят*

*Из притона в притон,
Пьют спирт и играют в кости.
Мы возьмем их в любом кабаке.
В них одних, без Номаха,
Толку мало.
А пока
Нужно крепко держать в руке
Ту добычу,
Которая попала.*

Рассветов

*Теперь он от нас не уйдет,
Особенно при сотне нянек.*

Чекистов

*Что ему няньки?
Он их сцапает в рот,
Как самый приятный
И легкий пряник.*

Рассветов

*Когда будут следы к другим,
Мы возьмем его в 2 секунды.
Я не знаю, с чего вы
Вдолбили себе в мозги —
На цугундер да на цугундер.
Нам совсем не опасен
Один индивид,*

И скажу вам, коллега, вкратце,
Что всегда лучше
Отыскивать нить
К общему центру организации.
Нужно мыслить без страха.
Послушайте, мой дорогой:
Мы уберем Номаха,
Но завтра у них будет другой.
Дело совсем не в Номахе,
А в тех, что попали за борт.
Нашей веревки и плахи
Ни один не боится черт.
Страна негодует на нас.
В стране еще дикие нравы.
Здесь каждый Аким и Фанас
Бредит имперской славой.
Еще не изжит вопрос,
Кто ляжет в борьбе из нас.
Честолюбивый росс
Отчизны своей не продаст.
Интернациональный дух
Прет на его рожон.
Мужик если гневен не вслух,
То завтра придет с ножом.
Повстанчество есть сигнал.
Поэтому сказ мой весь:
Тот, кто крыло поймал,
Должен всю птицу съесть.

Чекистов

*Клянусь всеми чертями,
Что эта птица
Даст вам крылом по морде
И улетит из-под носа.*

Рассветов

Это не так просто.

Замарашкин

*Для него будет,
Пожалуй, очень просто.*

Рассветов

*Мы усилим надзор
И возьмем его,
Как мышь в мышеловку.
Но только тогда этот вор
Получит свою веревку,
Когда хоть бандитов сто
Будет качаться с ним рядом,
Чтоб чище синел простор
Коммунистическим взглядом.*

Чекистов

*Слушайте, товарищи!
Это превышение власти —*

*Этот округ вверен мне.
Мне нужно поймать преступни-
ка,
А вы разводите теорию.*

Рассветов

*Как хотите, так и называйте.
Но,
Чтоб больше наш спор
Не шел о том,
Мы сегодня ж дадим ответ:
«Литза-Хун!
Наблюдайте за золотом.
Больше приказов нет».*

Чекистов быстро поворачивается, хлопает дверью и выходит в коридор.

В коридоре

ЧЕКИСТОВ

Тогда я поеду сам.

Киев

Хорошо обставленная квартира. На стене большой, во весь рост, портрет Петра Великого. **Номах** сидит на крыле кресла, задумавшись. Он, по-видимому, только что вернулся. Сидит в шляпе. В дверь кто-то бараба-

нит пальцами. Номах, как бы пробуждаясь от дремоты, идет осторожно к двери, прислушивается и смотрит в замочную скважину.

Номах

Кто стучит?

Голос

Отворите... Это я...

Номах

Кто вы?

Голос

Это я... Барсук...

Номах

(отворяя дверь)

Что это значит?

Барсук

(входит и закрывает дверь)

Это значит – тревога.

Номах

Кто-нибудь арестован?

Барсук

Нет.

Номах

В чем же дело?

Барсук

*Нужно быть наготове,
Немедленно нужно в побег.
За вами следят.
Вас ловят.
И не вас одного, а всех.*

Номах

Откуда ты узнал это?

Барсук

*Конечно, не высосал из пальцев.
Вы помните тот притон?*

Номах

Помню.

Барсук

А помните одного китайца?

Номах

*Да...
Но неужели...*

Барсук

*Это он.
Лишь только тогда вы скрылись,
Он последовал за вами.
Через несколько минут
Вышел и я.
Я видел, как вы сели в вагон,
Как он сел в соседний.
Потом осторожно, за золотой
Кондуктору,
Сел я сам.
Я здесь, как и вы,
Дней 10.*

Номах

Посмотрим, кто кого перехитрит?

Барсук

*Но это еще не все.
Я следил за ним, как лиса.
И вчера, когда вы выходили
Из дому,
Он был более полчасика
И рылся в вашей квартире.*

Потом он, свистя под нос,
Пошел на вокзал...
Я – тоже.
Преодо мной стоял вопрос —
Узнать:
Что хочет он, черт желтоко-
жий...
И вот... на вокзале...
Из-за спины...
На синем телеграфном бланке
Я прочел,
Еле сдерживаясь от мести,
Я прочел —
От чего у меня чуть не скочили
штаны —
Он писал, что вы здесь,
И спрашивал об аресте.

Номах

Да... Это немного пахнет...

Барсук

По-моему, не немного, а очень
много.
Нужно скорей в побег.
Всем нам одна дорога —
Поле, леса и снег,
Пока доберемся к границе,

*А там нас лови!
Грози!*

Номах

*Я не привык торопиться,
Когда вижу опасность вблизи.*

Барсук

Но это...

Номах

*Безумно?
Пусть будет так.
Я —
Видишь ли, Барсук, —
Чудак.
Я люблю опасный момент,
Как поэт – часы вдохновенья,
Тогда бродит в моем уме
Изобретательность
До остервененья.
Я ведь не такой,
Каким представляют меня ку-
харки.
Я весь – кровь,
Мозг и гнев весь я.*

Мой бандитизм особой марки.

Он осознание, а не профессия.
Слушай! я тоже когда-то верил
В чувства:
В любовь, геройство и радость,
Но теперь я постиг, по крайней
мере,
Я понял, что все это
Сплошная гадость.
Долго валялся я в горячке адской,
Насмешкой судьбы до печенок из-
раненный.
Но... Знаешь ли...
Мудростью своей кабацкой
Все выжигает спирт с барани-
ной...
Теперь, когда судорога
Душу скрючила
И лицо как потухающий фонарь в
тумане,
Я не строю себе никакого чучела.
Мне только осталось —
Озорничать и хулиганить...
.....

Всем, кто мозгами бедней и мень-
ше,
Кто под ветром судьбы не был
нищ и наг,

Оставляю прославлять города и
женщин,
А сам буду славить
Преступников и бродяг.

.....

Банды! банды!
По всей стране,
Куда ни взглядишь, куда ни пойдешь
ты —
Видишь, как в пространстве,
На конях
И без коней,
Скачут и идут закованные бан-
диты.
Это все такие же
Разуверившиеся, как я...

.....

А когда-то, когда-то...
Веселым парнем,
До костей весь пропахший
Степной травой,
Я пришел в этот город с пустыми
руками,
Но зато с полным сердцем
И не пустой головой.
Я верил... я горел...

*Я шел с революцией,
Я думал, что братство не мечта
и не сон,
Что все во единое море сольются,
Все сонмы народов,
И рас, и племен.*

.....

*Но к черту все это!
Я далек от жалоб.*

*Коль началось —
Так пускай начинается.
Лишь одного я теперь желаю,
Как бы покрепче...
Как бы покрепче
Одурачить китайца!..*

Барсук

*Признаться, меня все это,
Кроме побега,
Плохо устраивает.*

(Подходит к окну.)

*Я хотел бы:
О! Что это? Боже мой!
Номах! Мы окружены!
На улице милиция.*

Номах
(подбегая к окну)

Как?
Уже?
О! Их всего четверо...

Барсук
Мы пропали.

Номах
Скорей выходи из квартиры.

Барсук
А ты?

Номах
Не разговаривай!..
У меня есть ящик стекольщика
И фартук...
Живей обрядись
И спускайся вниз...
Будто вставлял здесь стекла...
Я положу в ящик золото...
Жди меня в кабаке «Луна».

(Бежит в другую комнату, тащит ящик и фартук.)

Барсук быстро подвязывает фартук. Кладет ящик на плечо и выходит.

Номах

(прислушиваясь у двери)

Кажется, остановили...

Нет... прошел...

Ага...

Идут сюда...

(Отскакивает от двери. В дверь стучат. Как бы раздумывая, немного медлит. Потом неслышными шагами идет в другую комнату.)

Сцена за дверью

Чекистов, Литза-Хун и 2 милиционера.

Чекистов

(смотря в скважину)

Что за черт!

Огонь горит,

Но в квартире

Как будто ни души.

Литза-Хун

(с хорошим акцентом)

Это его прием...

Всегда... Когда он уходит.

*Я был здесь, когда его не было,
И так же горел огонь.*

1-й милиционер

У меня есть отмычка.

Литза-Хун

*Давайте мне...
Я вскрою...*

Чекистов

*Если его нет,
То надо устроить засаду.*

Литза-Хун

(вскрывая дверь)

Сейчас узнаем...

(Вынимает браунинг и заглядывает в квартиру.)

*Тс... Я сперва один.
Спрячьтесь на лестнице.
Здесь ходят
Другие квартиранты.*

Чекистов

Лучше вдвоем.

Литза-Хун

*У меня бесшумные туфли...
Когда понадобится,
Я дам свисток или выстрел.*

(Входит в квартиру и закрывает дверь.)

Глаза Петра Великого

Осторожными шагами **Литза-Хун** идет к той комнате, в которой скрылся **Номах**. На портрете глаза Петра Великого начинают моргать и двигаться. **Литза-Хун** входит в комнату. Портрет неожиданно открывается как дверь, оттуда выскакивает **Номах**. Он рысьими шагами подходит к двери, запирает на цепь и снова исчезает в портрет-дверь. Через некоторое время слышится беззвучная короткая возня, и с браунингом в руке из комнаты выходит **китаец**. Он делает световой полумрак. Открывает дверь и тихо дает свисток. Вбегают **милиционеры** и **Чекистов**.

Чекистов

Он здесь?

Китаец

(прижимая в знак молчания палец к губам)

*Тс... он спит... Стойте здесь...
Нужен один милиционер,
К черному выходу.*

*(Берет одного милиционера и крадучись
проходит через комнату к черному выходу.)*

Через минуту слышится выстрел, и испуганный милиционер бежит обратно к двери.

Милиционер

*Измена!
Китаец ударил мне в щеку
И удрал черным ходом.
Я выстрелил...
Но... дал промах...*

Чекистов

*Это он!
О! проклятье!
Это он!
Он опять нас провел.*

Вбегают в комнату и выкатывают оттуда в кресле связанного по рукам и ногам. Рот его стянут платком. Он в нижнем белье. На лицо его глубоко надвинута шляпа. Чекистов сбрасывает шляпу, и милиционеры в ужасе отскакивают.

Милиционеры

*Провокация!..
Это Литза-Хун...*

Чекистов

Развяжите его...

Милиционеры бросаются развязывать.

Литза-Хун

*(выпихивая освобожденными руками платок
изо рта)*

*Черт возьми!
У меня болит живот от злобы.
Но клянусь вам...
Клянусь вам именем китайца,
Если б он не накинул на меня мешок,
Если б он не выбил мой браунинг,
То бы...
Я сумел с ним справиться...*

Чекистов

*А я... Если б был мандарин,
То повесил бы тебя, Литза-Хун,
За такое место...
Которое вслух не называется.*

1922–1923

Анна снегина

А. Воронскому

1

«Село, значит, наше – Радово,
Дворов, почитай, два ста.
Тому, кто его оглядывал,
Приятственны наши места.
Богаты мы лесом и водью,
Есть пастбища, есть поля.
И по всему угодию
Рассажены тополя.

Мы в важные очень не лезем,
Но всё же нам счастье дано.
Дворы у нас крыты железом,
У каждого сад и гумно.
У каждого крашены ставни,
По праздникам мясо и квас.
Недаром когда-то исправник
Любил погостить у нас.

Оброки платили мы к сроку,
Но – грозный судья – старшина
Всегда прибавлял к оброку

По мере муки и пшена.
И чтоб избежать напасти,
Излишек нам был без тягот.
Раз – власти, на то они власти,
А мы лишь простой народ.

Но люди – все грешные души.
У многих глаза – что клыки.
С соседней деревни Криуши
Косились на нас мужики.
Житье у них было плохое,
Почти вся деревня вскачь
Пахала одной сохою
На паре заезженных кляч.

Каких уж тут ждать обилий, —
Была бы душа жива.
Украдкой они рубили
Из нашего леса дрова.
Однажды мы их застали...
Они в топоры, мы тож.
От звона и скрежета стали
По телу катилась дрожь.

В скандале убийством пахнет.
И в нашу и в их вину
Вдруг кто-то из них как ахнет! —
И сразу убил старшину.

На нашей быдластой сходке
Мы делу условили ширь.
Судили. Забили в колодки
И десять услали в Сибирь,
С тех пор и у нас неуряды.
Скатилась со счастья возжжа.
Почти что три года кряду
У нас то падеж, то пожар».

* * *

Такие печальные вести
Возница мне пел весь путь.
Я в радовские предместья
Ехал тогда отдохнуть.

Война мне всю душу изъела.
За чей-то чужой интерес
Стрелял я в мне близкое тело
И грудью на брата лез.
Я понял, что я – игрушка,
В тылу же купцы да знать,
И, твердо простившись с пушка-
ми,
Решил лишь в стихах воевать.

Я бросил мою винтовку,
Купил себе «липу»[4], и вот
С такою-то подготовкой

Я встретил 17-й год.

Свобода взметнулась неистово.
И в розово-смердном огне
Тогда над странною калифствовал
Керенский на белом коне.
Война «до конца», «до победы».
И ту же сермяжную рать
Прохвосты и дармоеды
Сгоняли на фронт умирать.
Но всё же не взял я шпагу...
Под грохот и рев мортир
Другую явил я отвагу —
Был первый в стране дезертир.

* * *

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
«Ну, вот оно, наше Радово, —
Промолвил возница, —
Здесь!
Недаром я лошади вкладывал
За норы ее и спесь.
Позволь, гражданин, на чашишко.
Вам к мельнику надо?
Так вон!..

Я требую с вас без излишка
За дальний такой прогон».

.....
Даю сороковку.

«Мало!»

Даю еще двадцать.

«Нет!»

Такой отвратительный малый.

А малому тридцать лет.

«Да что ж ты?

Имеешь ли душу?

За что ты с меня гребешь?»

И мне отвечает туша:

«Сегодня плохая рожь.

Давайте еще незвонких

Десяток иль штукек шесть —

Я выпью в шинке самогонки

За ваше здоровье и честь...»

* * *

И вот я на мельнице...

Ельник

Осыпан свечьми светляков.

От радости старый мельник

Не может сказать двух слов:

«Голубчик! Да ты ли?

Сергуха!

Озяб, чай? Поди продрог?
Да ставь ты скорее, старуха,
На стол самовар и пирог!»

В апреле прозябнуть трудно,
Особенно так в конце.
Был вечер задумчиво чудный,
Как дружья улыбка в лице.
Объятья мельника круты,
От них заревет и медведь,
Но всё же в плохие минуты
Приятно друзей иметь.

«Откуда? Надолго ли?»

«На год».

«Ну, значит, дружище, гуляй!
Сим летом грибов и ягод
У нас хоть в Москву отбавляй.
И дичи здесь, братец, до черта,
Сама так под порох и прет.
Подумай ведь только...

Четвертый

Тебя не видали мы год...»

.....

.....

Беседа окончена...

Чинно

Мы выпили весь самовар.

По-старому с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.
Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Состарившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет,
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»
Далекие, милые были.
Тот образ во мне не угас...
Мы все в эти годы любили,
Но мало любили нас.

2

«Ну что же! Вставай, Сергуша!
Еще и заря не текла,
Старуха за милую душу
Оладьев тебе напекла.
Я сам-то сейчас уеду
К помещице Снегиной...
Ей
Вчера настрелял я к обеду
Прекраснейших дупелей».

Привет тебе, жизни денница!

Встаю, одеваюсь, иду.
Дымком отдаёт росяница
На яблонях белых в саду.

Я думаю:
Как прекрасна
Земля
И на ней человек.
И сколько с войной несчастных
Уродов теперь и калек!
И сколько зарыто в ямах!
И сколько зароят еще!
И чувствую в скулах упрямых
Жестокою судоргу щек.

Нет, нет!
Не пойду навеки.
За то, что какая-то мразь
Бросает солдату-калеке
Пятак или гривенник в грязь.

«Ну, доброе утро, старуха!
Ты что-то немного сдала?»
И слышу сквозь кашель глухо:
«Дела одолели, дела.
У нас здесь теперь неспокойно.
Испариной всё зацвело.
Сплошные мужицкие войны —

Дерутся селом на село.
Сама я своими ушами
Слыхала от прихожан:
То радовцев бьют криушане,
То радовцы бьют криушан.
А всё это, значит, безвластьё.
Прогнали царя...

Так вот...

Посыпались все напасти
На наш неразумный народ.
Открыли зачем-то остроги,
Злодеев пустили лихих.
Теперь на большой дороге
Покою не знай от них.
Вот тоже, допустим... с Криу-
ши...

Их нужно б в тюрьму за тюрь-
мой,

Они ж, воровские души,
Вернулись опять домой.
У них там есть Прон Оглоблин,
Булдыжник, драчун, грубиян.
Он вечно на всех озлоблен,
С утра по неделям пьян.
И нагло в третьевом годе,
Когда объявили войну,
При всем честном народе
Убил топором старшину.

Таких теперь тысячи стало
Творить на свободе гнусь.
Пропала Расея, пропала...
Погибла кормилица Русь...»

Я вспомнил рассказ возницы
И, взяв свою шляпу и трость,
Пошел мужикам поклониться,
Как старый знакомый и гость.

* * *

Иду голубою дорожкой
И вижу – навстречу мне
Несется мой мельник на дрожках
По рыхлой еще целине.
«Сергуха! За милую душу!
Постой, я тебе расскажу!
Сейчас! Дай поправить возжжу,
Потом и тебя оглоушу.
Чего ж ты мне утром ни слова?
Я Снегиным так и бряк:
Приехал ко мне, мол, веселый
Один молодой чудака.
(Они ко мне очень желанны,
Я знаю их десять лет.)
А дочь их замужняя Анна
Спросила:
– Нет тот ли, поэт?

– Ну, да, – говорю, – он самый.
– Блондин?
– Ну, конечно, блондин!
– С кудрявыми волосами?
– Забавный такой господин!
– Когда он приехал?
– Недавно.
– Ах, мамочка, это он!
Ты знаешь,
Он был забавно
Когда-то в меня влюблен.
Был скромный такой мальчишка,
А нынче...
Поди ж ты...
Вот...
Писатель...
Известная шишка...
Без просьбы уж к нам не придет».

И мельник, как будто с победы,
Лукаво прищурил глаз:
«Ну, ладно! Прощай до обеда.
Другое сдержу про запас».

Я шел по дороге в Криушу
И тростью сшибал зелена.
Ничто не пробилось мне в душу,
Ничто не смутило меня.

Струилися запахи сладко,
И в мыслях был пьяный туман...
Теперь бы с красивой солдаткой
Завесть хорошо роман.

* * *

Но вот и Криуша...
Три года
Не зрел я знакомых крыш.
Сиреневая погода
Сиренью обрызгала тишь.
Не слышно собачьего лая,
Здесь нечего, видно, стеречь —
У каждого хата гнилая,
А в хате ухваты да печь.
Гляжу, на крыльце у Прона
Горластый мужицкий галдеж.
Толкуют о новых законах,
О ценах на скот и рожь.
«Здорово, друзья!»
«Э, охотник!»
Здорово, здорово!
Садись!
Послушай-ка ты, беззаботник,
Про нашу крестьянскую жисть.
Что нового в Питере слышно?
С министрами, чай, ведь знаком?
Недаром, едрит твою в дышло,

Воспитан ты был кулаком.
Но всё ж мы тебя не порочим.
Ты – свойский, мужицкий, наш,
Бахвалишься славой не очень
И сердце свое не продашь.
Бывал ты к нам зорким и рья-
ным,
Себя вынимал на испод...
Скажи:
Отойдут ли крестьянам
Без выкупа пашни господ?
Кричат нам,
Что землю не троньте,
Еще не настал, мол, миг.
За что же тогда на фронте
Мы губим себя и других?»
И каждый с улыбкой угрюмой
Смотрел мне в лицо и в глаза,
А я, отягченный думой,
Не мог ничего сказать.
Дрожали, качались ступени,
Но помню
Под звон головы:
«Скажи,
Кто такое Ленин?»
Я тихо ответил:
«Он – вы».

На корточках ползали слухи,
Судили, решали, шепча.
И я от моей старухи
Достаточно их получал.

Однажды, вернувшись с тяги,
Я лег подремать на диван.
Разносчик болотной влаги,
Меня прознобил туман.
Трясло меня, как в лихорадке,
Бросало то в холод, то в жар,
И в этом проклятом припадке
Четыре я дня пролежал.

Мой мельник с ума, знать, спя-
тил.
Поехал,
Кого-то привез...
Я видел лишь белое платье
Да чей-то привздернутый нос.
Потом, когда стало легче,
Когда прекратилась трясь,
На пятые сутки под вечер
Простуда моя улеглась.
Я встал.
И лишь только пола
Коснулся дрожащей ногой,
Услышал я голос веселый:

«А!
Здравствуйте, мой дорогой!
Давненько я вас не видала.
Теперь из ребяческих лет
Я важная дама стала,
А вы – знаменитый поэт.

.....

Ну, сядем.
Прошла лихорадка?
Какой вы теперь не такой!
Я даже вздохнула украдкой.
Коснувшись до вас рукой.
Да...
Не вернуть, что было.
Все годы бегут в водоем.
Когда-то я очень любила
Сидеть у калитки вдвоем.
Мы вместе мечтали о славе...
И вы угодили в прицел,
Меня же про это заставил
Забывать молодой офицер...»

* * *

Я слушал ее и невольно
Оглядывал стройный лик.
Хотелось сказать:
«Довольно!»

Найдемте другой язык!»

Но почему-то, не знаю,
Смущенно сказал невпопад:

«Да... Да...

Я сейчас вспоминаю...

Садитесь.

Я очень рад.

Я вам прочитаю немного

Стихи

Про кабацкую Русь...

Отделано четко и строго.

По чувству – цыганская грусть».

«Сергей!

Вы такой нехороший.

Мне жалко,

Обидно мне,

Что пьяные ваши дебоши

Известны по всей стране.

Скажите:

«Что с вами случилось?»

«Не знаю».

«Кому же знать?»

«Наверно, в осеннюю сырость

Меня родила моя мать».

«Шутник вы...»

«Вы тоже, Анна».

«Кого-нибудь любите?»

«Нет».

«Тогда еще более странно
Губить себя с этих лет:
Пред вами такая дорога...»

Сгущалась, туманилась даль.
Не знаю, зачем я трогал
Перчатки ее и шаль.

.....

Луна хохотала, как клоун.
И в сердце хоть прежнего нет,
По-странному был я полон
Наплывом шестнадцати лет.
Расстались мы с ней на рассвете
С загадкой движений и глаз...

Есть что-то прекрасное в лете,
А с летом прекрасное в нас.

* * *

Мой мельник...
Ох, этот мельник!
С ума меня сводит он.
Устроил волынку, бездельник,
И бегает, как почтальон.
Сегодня опять с запиской,
Как будто бы кто-то влюблен:
«Придите.

Вы самый близкий.
С любовью
Оглоблин Прон».

Иду.
Прихожу в Криушу.
Оглоблин стоит у ворот
И спьяну в печенки и в душу
Костит обнищальный народ.

«Эй, вы!
Тараканье отродье!
Все к Снегиной!..
Р-раз и квас!
Даешь, мол, твои угоды
Без всякого выкупа с нас!»
И тут же, меня завидя,
Снижая сварливую прыть,
Сказал в неподдельной обиде:
«Крестьян еще нужно варить».

«Зачем ты позвал меня, Проша?»
«Конечно, ни жать, ни косить.
Сейчас я достану лошадь
И к Снегиной... вместе...
Просить...»
И вот запрягли нам клячу.
В оглоблях мосластая шкетъ —

Таких отдадут с придачей,
Чтоб только самим не иметь.
Мы ехали мелким шагом,
И путь нас смешил и злил:
В подъемах по всем оврагам
Телегу мы сами везли.

Приехали.
Дом с мезонином
Немного присел на фасад.
Волнующе пахнет жасмином
Плетневый его палисад.
Слезаем.
Подходим к террасе
И, пыль отряхая с плеч,
О чем-то последнем часе
Из горницы слышим речь:
«Рыдай не рыдай – не помога...
Теперь он холодный труп...
Там кто-то стучит у порога...
Припудрись...
Пойду отопру...»

Дебелая грустная дама
Откинула добрый засов.
И Прон мой ей брякнул прямо
Про землю,
Без всяких слов.

«Отдай!.. —
Повторял он глухо. —
Не ноги ж тебе целовать!»

Как будто без мысли и слуха
Она принимала слова.
Потом в разговорную очередь
Спросила меня
Сквозь жуть:
«А вы, вероятно, к дочери?
Присядьте...
Сейчас доложу...»

Теперь я отчетливо помню
Тех дней роковое кольцо.
Но было совсем нелегко мне
Увидеть ее лицо.
Я понял —
Случилось горе,
И молча хотел помочь.
«Убили... Убили Борю...
Оставьте!
Уйдите прочь!
Вы – жалкий и низкий трусишка.
Он умер...
А вы вот здесь...»

Нет, это уж было слишком.

Не всякий рожден перенестъ.
Как язвы, стыдясь оплеухи,
Я Прону ответил так:
«Сегодня они не в духе...
Поедем-ка, Прон, в кабак...»

4

Всё лето провел я в охоте.
Забыл ее имя и лик.
Обиду мою
На болоте
Оплакал рыдальщик-кулик.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и сочъ,
И лето такое короткое,
Как майская теплая ночь.
Заря холодней и багровей.
Туман припадает ниц.
Уже в облетевшей дуброве
Разносится звон синиц.

Мой мельник вовсю улыбается,
Какая-то веселость в нем.
«Теперь мы, Сергуха, по зайцам
За милую душу пальнем!»
Я рад и охоте...
Коль нечем

Развеять тоску и сон.
Сегодня ко мне под вечер,
Как месяц, вкатился Прон.
«Дружище!
С великим счастьем!
Настал ожидаемый час!
Приветствую с новой властью!
Теперь мы всех р-раз – и квас!
Без всякого выкупа с лета
Мы пашни берем и леса.
В России теперь Советы
И Ленин – старшой комиссар.
Дружище!
Вот это номер!
Вот это почин так почин.
Я с радости чуть не помер,
А брат мой в штаны намочил.
Едри ж твою в бабушку плюнуть!
Гляди, голубарь, веселей!
Я первый сейчас же коммуну
Устрою в своем селе».

У Прона был брат Лабутя,
Мужик – что твой пятый туз:
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский трус.
Таких вы, конечно, видали.
Их рок болтовней наградил.

Носил он две белых медали
С японской войны на груди.
И голосом хриплым и пьяным
Тянул, заходя в кабак:
«Прославленному под Ляояном
Ссудите на четвертак...»
Потом, насосавшись до дури,
Взволнованно и горячо
О сдавшемся Порт-Артуре
Соседу слезил на плечо.
«Голубчик! —
Кричал он. —
Петя!
Мне больно... Не думай, что пьян.
Отвагу мою на свете
Лишь знает один Ляоян».

Такие всегда на примете.
Живут, не мозоля рук.
И вот он, конечно, в Совете,
Медали запрятал в сундук.
Но с тою же важной осанкой,
Как некий седой ветеран,
Хрипел под сивушной банкой
Про Нерчинск и Турухан:
«Да, братец!
Мы горе видали, —
Но нас не запугивал страх...»

.....

Медали, медали, медали
Звенели в его словах.
Он Прону вытягивал нервы,
И Прон материл не судом.
Но все ж тот поехал первый
Описывать снегинский дом.

В захвате всегда есть скорость:
«Даешь! Разберем потом!»
Весь хутор забрали в волость
С хозяйками и со скотом.

А мельник...

.....

Мой старый мельник
Хозяек привез к себе,
Заставил меня, бездельник,
В чужой ковыряться судьбе.
И снова нахлынуло что-то...
Тогда я всю ночь напролет
Смотрел на скривленный заботой
Красивый и чувственный рот.

Я помню —

Она говорила:
«Простите... Была не права...
Я мужа безумно любила.

Как вспомню... болит голова...
Но вас
Оскорбила случайно...
Жестокость была мой суд...
Была в том печальная тайна,
Что страстью преступной зовут.
Конечно,
До этой осени
Я знала б счастливую быль...
Потом бы меня вы бросили,
Как выпитую бутылку...
Поэтому было не надо...
Ни встреч... ни вообще продол-
жать.
Тем более с старыми взглядами
Могла я обидеть мать».

Но я перевел на другое,
Уставясь в ее глаза,
И тело ее тугое
Немного качнулось назад.
«Скажите,
Вам больно, Анна,
За ваш хуторской разор?»
Но как-то печально и странно
Она опустила свой взор...
.....
«Смотрите...

Уже светает.
Заря, как пожар на снегу...
Мне что-то напоминает...
Но что?..
Я понять не могу...
Ах!.. Да...
Это было в детстве...
Другой... Не осенний рассвет...
Мы с вами сидели вместе...
Нам по шестнадцать лет...»

Потом, оглядев меня нежно
И лебедя выгнув рукой,
Сказала как будто небрежно:
«Ну, ладно...
Пора на покой...»

.....
Под вечер они уехали.
Куда?
Я не знаю куда.
В равнине, проложенной вехами,
Дорогу найдешь без труда.

Не помню тогдашних событий,
Не знаю, что сделал Прон.
Я быстро умчался в Питер
Развеять тоску и сон.

Суровые, грозные годы!
Но разве всего описать?
Слыхали дворцовые своды
Солдатскую крепкую «мать».

Эх, удаль!
Цветение в далях!
Недаром чумазый сброд
Играл по дворам на роялях
Коровам тамбовский фокстрот.
За хлеб, за овес, за картошку
Мужик залучил граммофон, —
Слюнявя козлиную ножку,
Танго себе слушает он.
Сжимая от прибыли руки,
Ругаясь на всякий налог,
Он мыслит до дури о штуке,
Катающейся между ног.

Шли годы
Размашисто, пылко...
Удел хлебороба гас.
Немало попрело в бутылках
«Керенок» и «ходей» у нас.
Фефела! Кормилец! Касатик!
Владелец землей и скотом,
За пару измызганных «катек»
Он даст себя выдрать кнутом.

Ну, ладно.
Довольно стонов!
Не нужно насмешек и слов!
Сегодня про участь Прона
Мне мельник прислал письмо:
«Сергуха! За милую душу!
Привет тебе, братец! Привет!
Ты что-то опять в Криушу
Не кажешься целых шесть лет.
Утешь!
Соберись, на милость!
Прижваривай по весне!
У нас здесь такое случилось,
Чего не расскажешь в письме.
Теперь стал спокой в народе,
И буря пришла в угомон.
Узнай, что в двадцатом годе
Расстрелян Оглоблин Прон.

Расея...
Дуровая зыкъ она.
Хошь верь, хошь не верь ушам —
Однажды отряд Деникина
Нагрязнул на криушан.
Вот тут и пошла потеха...
С потехи такой – околеть.
Со скрежетом и со смехом
Гульнула казацкая плеть.

Тогда вот и чикнули Проню,
Лабутя ж в солому залез
И вылез,
Лишь только кони
Казацкие скрылись в лес.
Теперь он по пьяной морде
Еще не устал голосить:
«Мне нужно бы красный орден
За храбрость мою носить».
Совсем прокатились тучи...
И хоть мы живем не в раю,
Ты все ж приезжай, голубчик,
Утешить судьбину мою...»

* * *

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская хмарь.
Бегут говорливые дроги
Ни шатко ни валко, как встарь.
Дорога довольно хорошая,
Равнинная тихая звень.
Луна золотою порошею
Осыпала даль деревень.
Мелькают часовни, колодцы,
Околицы и плетни.
И сердце по-старому бьется,
Как билось в далекие дни.

Я снова на мельнице...

Ельник

Усыпан свечьми светляков.

По-старому старый мельник

Не может связать двух слов:

«Голубчик! Вот радость! Сергуха!

Озяб, чай? Поди, продрог?

Да ставь ты скорее, старуха,

На стол самовар и пирог.

Сергунь! Золотой! Послушай!

.....

И ты уж старик по годам...

Сейчас я за милую душу

Подарок тебе передам».

«Подарок?»

«Нет...

Просто письмишко.

Да ты не спеши, голубок.

Почти что два месяца с лишком

Я с почты его приволок».

Вскрываю... читаю... Конечно!

Откуда же больше и ждать!

И почерк такой беспечный,

И лондонская печать.

«Вы живы?.. Я очень рада...

Я тоже, как вы, жива.

Так часто мне снится ограда,
Калитка и ваши слова.
Теперь я от вас далеко...
В России теперь апрель.
И синюю заволокой
Покрыта береза и ель.
Сейчас вот, когда бумаге
Вверяю я грусть моих слов,
Вы с мельником, может, на тяге
Подслушиваете тетеревов.
Я часто хожу на пристань
И, то ли на радость, то ль в
страх,
Гляжу средь судов всё присталь-
ней
На красный советский флаг.
Теперь там достигли силы.
Дорога моя ясна...
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна».

.....

Письмо как письмо.
Беспричинно.
Я в жисть бы таких не писал.

По-прежнему с шубой овчинной
Иду я на свой сеновал.

Иду я разросшимся садом,
Лицо задевает сирень.
Так мил моим вспыхнувшим
взглядам
Погорбившийся плетень.
Когда-то у той вон калитки
Мне было шестнадцать лет.
И девушка в белой накидке
Сказала мне ласково: «Нет!»

Далекие милые были!..
Тот образ во мне не угас.

Мы все в эти годы любили,
Но, значит,
Любили и нас.

Январь 1925
Батум

Черный человек

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

*Голова моя машет ушами,
Как крыльями птица.
Ей на шее ноги
Маячить больше невмочь.
Черный человек,
Черный, черный,
Черный человек
На кровать ко мне садится,
Черный человек
Спать не дает мне всю ночь.*

*Черный человек
Водит пальцем по мерзкой книге
И, гнусавя надо мной,
Как над усопшим монах,
Читает мне жизнь*

Какого-то прохвоста и забулдыги,
Нагоняя на душу тоску и страх.
Черный человек,
Черный, черный!

«Слушай, слушай, —
Бормочет он мне, —
В книге много прекраснейших
Мыслей и планов.
Этот человек
Проживал в стране
Самых отвратительных
Громил и шарлатанов.

В декабре в той стране
Снег до дьявола чист,
И метели заводят
Веселые прялки.
Был человек тот авантюрист,
Но самой высокой
И лучшей марки.

Был он изящен,
К тому ж поэт,

Хоть с небольшой,
Но ухватистой силою,
И какую-то женщину,

Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою.

Счастье, – говорил он, —
Есть ловкость ума и рук.
Все неловкие души
За несчастных всегда известны.
Это ничего,
Что много мук
Приносят изломанные
И лживые жесты.

В грозы, в бури,
В житейскую стынь,
При тяжелых утратах
И когда тебе грустно,
Казаться улыбчивым и простым
—
Самое высшее в мире искусство».

«Черный человек!
Ты не смеешь этого!
Ты ведь не на службе
Живешь водолазовой.
Что мне до жизни
Скандального поэта.

*Пожалуйста, другим
Читай и рассказывай».*

*Черный человек
Глядит на меня в упор.
И глаза покрываются
Голубой блевотой, —
Словно хочет сказать мне,
Что я жулик и вор,
Так бесстыдно и нагло
Обокравший кого-то.*

.....

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта
боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

*Ночь морозная.
Тих покой перекрестка.
Я один у окошка,
Ни гостя, ни друга не жду.
Вся равнина покрыта
Сыпучей и мягкой известкой,*

И деревья, как всадники,
Съехали в нашем саду.

Где-то плачет
Ночная зловещая птица.
Деревянные всадники
Сеют копытливый стук.
Вот опять этот черный
На кресло мое садится,
Приподняв свой цилиндр
И откинув небрежно сюртук.

«Слушай, слушай! —
Хрипит он, смотря мне в лицо,
Сам всё ближе
И ближе клонится. —
Я не видел, чтоб кто-нибудь
Из подлецов
Так ненужно и глупо
Страдал бессонницей.

Ах, положим, ошибся!
Ведь нынче луна.
Что же нужно еще
Напоенному дремой миру?
Может, с толстыми ляжками
Тайно придет «она»,
И ты будешь читать

Свою дохлую томную лирику?

Ах, люблю я поэтов!
Забавный народ.
В них всегда нахожу я
Историю, сердцу знакомую, —
Как прыщавой курсистке
Длинноволосый урод
Говорит о мирах,
Половой истекая истомою.

Не знаю, не помню,
В одном селе,
Может, в Калуге,
А может, в Рязани,
Жил мальчик
В простой крестьянской семье,
Желтоволосый,
С голубыми глазами...

И вот стал он взрослым,
К тому ж поэт,
Хоть с небольшой,
Но хватистой силою,
И какую-то женщину,
Сорока с лишним лет,
Называл скверной девочкой
И своею милою».

*«Черный человек!
Ты прескверный гость.
Эта слава давно
Про тебя разносится».
Я взбешен, разъярен,
И летит моя трость
Прямо к морде его,
В переносицу...*

.....

*...Месяц умер,
Синеет в окошко рассвет.
Ах ты, ночь!
Что ты, ночь, наковеркала?
Я в цилиндре стою.
Никого со мной нет.
Я один...
И разбитое зеркало...*

14 ноября 1925

Примечания

Пожалуйста (англ.).

[^^^]

2

Бизнесмены, деловые люди (англ.).

[^^^]

Блеф, обман (*англ.*).

[^^^]

«**Липа**» – подложный документ. (Примеч. С. Есенина.)

[^^^]